

05 коп.

РОССИЯ

ЛИРИКА

Сергей ОРЛОВ

KI969680

ПОДВИГ

Сергей ОРЛОВ

ЛИРИКА

**Общественная
редакционная коллегия:**

АЛЕКСЕЕВ М. Н.

АБРАМОВ А. Н.

БОНДАРЕВ Ю. В.

БОРЗУНОВ С. М.

ЖУКОВ В. С.

КАМБУЛОВ Н. И.

КОНОВАЛОВ Г. И.

СТАДНЮК И. Ф.

ШКАЕВ В. В.

Сергей ОРЛОВ

ЛИРИКА

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

Составитель В. С. Орлова
Автор предисловия М. А. Дудин
Художник С. А. Данилов

Орлов С. С.

О-66 Лирика/Сост. В. С. Орлова; Предисл.
М. А. Дудина.— М.: Сов. Россия, 1982.—
192 с.— (Подвиг).

Сергей Сергеевич Орлов (1921—1977) — один из самых ярких и типичных представителей фронтового поколения в поэзии, его творчество неразрывно связано с военной темой, ибо он сам был солдатом, командовал танком, в котором дважды горел.

Основу настоящего сборника составляют стихотворения на эту тему, такие известные, как «Его зарыли в шар земной...», «А мы такую книгу прочитали...», «Вот человек — он искалечен...» (из книги «Мой лейтенант»), а также стихотворения последних лет (1973—1977), где поэт — тонкий лирик, — внимательно всматриваясь в жизнь, тонко и поэтично передает светлую очаровательность ею.

4702010200—195

Р2

О ————— 138—82

М-105(03)82

© Издательство «Советская Россия», 1982 г., составление, предисловие.

НА РУБЕЖЕ ОГНЯ И ВЕРНОСТИ

Война догнала его на пятьдесят седьмом году жизни, и он рухнул от разрыва сердца, как от автоматной очереди, даже не успев вскрикнуть, и стал значительным на все времена прекрасно спетой песней своей судьбы.

А чем же была прекрасна его судьба?

Да тем, что вся без остатка, до самого последнего вздоха, была отдана людям. И хотя я сам своей рукой кинул на крышку его гроба влажный ком суглинка, мне никогда не поверить, что его нет. Мне все кажется, что он ушел на веслах в белый туман Белого озера или уплыл в синее ситцевое небо с осенними журавлями по какой-то только ему одному известной надобности и с часу на час, со дня на день, с недели на неделю непременно должен вернуться из своей вечности.

В изголовье его стоит прямая, как совесть, сосна, и ее золотой на солнце, как его волосы, ствол поет подобно струне, натянутой между зеленой землей и синим небом.

Он родился в Белозерске — древнем русском городе, не знавшем крепостного права, в семье учителей в 1921 году. Он гордился тем, что засадный полк его далеких родичей белозерских князей решил исход Куликовской битвы, что один из белозерских Орловых в Отечественной войне 1812 года дослужился до полковника, а его однорукий дед был лихим ящиком, доставлявшим почту.

А сам Сергей Сергеевич Орлов был по судьбе своей — поэтом, по влюбленности в родную землю и по железной необходимости времени — командиром тяжелого танка КВ.

Он защищал Ленинград и два раза горел в танке, потому что уходил из танка, как это и положено настоящему командиру, последним.

Юность его осталась там, на рубеже огня и верности.

Я встретился с ним уже после Победы в 1945 году. И с тех пор тридцать с лишним лет мы жили одной страстью.

Первая книга Сергея Орлова «Третья скорость» вышла в Ленинграде в 1946 году.

С тех пор он стал подданным русской поэзии.

В его стихах жила и будет жить душа подвига нашего поколения, светлая, верная, чистая.

Он был требователен и к стихам и к товарищам, потому что был беспощаден к себе, к своему прошлому и к своему будущему, и таким остался в своих книгах на все времена.

Он умудрялся сквозь узкую смотровую щель танка видеть всю землю, траву и звезды, глаза матери и вселенную.

Поэзию губят подражатели. Сергей Орлов всем строем души был продолжателем и открывателем. Он продирался сквозь тайгу отчуждения сам, оставляя зарубки своего прозрения будущему.

В опыте его любви и сочувствия есть опыт преодоления собственной боли тела и души, исполосованных шрамами. Этому опыту нет цены — он учит подлинный талант прилагательности к жизни, просветляет талант высокой человечностью.

Сергей Орлов был мастером своего дела, для которого только что завоеванная вершина становилась ступенью для другой высоты на бесконечной дороге совершенства. В подтверждение своей позиции он сказал вразумительно и очень определенно:

*Я требую немногого,
Немногого хочу,—
Планету за порогом
Всю в солнце, как бахчу...*

Он ходил по этой планете, внимательно всматриваясь в подробности сущей на ней жизни, боясь спугнуть ощущение несказанного чуда преображения.

Он был рыцарем солдатской верности и учил ей исподволь, без назидательности.

Он верил в победу разумных начал жизни и никогда не терял удивления перед очарованием жизни. Эта очарованность светится, переливаясь, в его стихах, созданных даже в кровавом месиве войны,— вопреки войне.

Он был героем и певцом солдатского братства и песней своей вошел в братство большой русской поэзии. Вошел навсегда.

30 декабря 1980 г.
Ленинград

Михаил Дудин

1941—1948

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

* * *

1

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком копилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...

Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.
И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

2

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

* * *

Как на родине? Осень,
В скирдах рожь на полях,
По-над золотом просек
Журавли в облаках.

Где родные равнины,
Милый с детства простор.

Знамя алой рябины
Вынес ввысь косогор.

Ей гореть не сгорая,
Ярче алой зари.
По зиме прилетают
На нее снегири.

Скажет каждый прохожий,
Стороны моей гость,—
До чего же похожи
На багряную гроздь.

В крепких валенках русских
Он пройдет на виду,
И снежок, как капуста,
Захрустит на ходу.

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,
По родимым просторам
Легким шагом пройти.

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом дому,
Заплутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

По-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелонем
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

* * *

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша ты, сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому...

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш —
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка, как песня, в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...»

* * *

*Матери,
Екатерине Яковлевне*

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаше рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»

Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, зная,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

ЗЕМЛЯНКА

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымит печурка и коптилка,
На бревнах сажи на вершок.

Рубахи сняв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь сигарку,
По очереди дым тянуть,
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в танке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...
Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе ее переложили —
Песенку, в которой моряки
В море кочегара хоронили.
А у нас ни моря, ни реки...
Нету кочегара, но механик
Рычагов не в силах удержать.
От него напрасно ждет в Рязани
Писем озабоченная мать...
Песню мы певали вечерами —
На рассвете снова жаркий бой.
Знали мы: кого-то между нами
Ждет напрасно мать к себе домой.
Потому и пелось нам особо:
Может, про себя ее поешь,
Может быть, в брезентик, вместо гроба,
Друга завтра в полдень завернешь...

Но хотелось очень, чтобы стало
Все не так, чтоб мать-старушка нас
Все-таки с войны домой дождалась.

Песня, песня, где друзья сейчас?..

* * *

Есть на Шексне далекой
Просторная изба,
Под крышей невысокой
Причудлива резьба.

А за лесами где-то —
Огни со всех сторон,
С заката до рассвета
Дерется батальон...

Идут «тридцатьчетверки»
Сквозь синеватый дым.
Орудия с пригорка
Плюют огнем по ним...

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,
Когда кричат ребята
Водителю: «Дави!»

Он все сомнет и вспашет
И скажет в микрофон:
«Порядок в части нашей
Повсюду быть дол́жён».

Он и мамаше тоже
Напишет: «Жив, здоров,

В порядке все. Сережа,
Твой сын...»— всего семь слов.

А на привале ночью,
Как вспомнит, загрустит...
Знакомый домик отчий,
Далекие пути.

Старушку мать родную,
Зеленую Шексну,
Березку золотую,
Родную сторону...

Ой нелегка дорога
К родной реке Шексне,
В походах да тревогах,
В снегах, в дыму, в огне.

Лежит перед солдатом
На запад горевой,
Сквозь смерть и дым кудлатый,
Через трехсотый бой.

ЭТО БЫЛО 19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрым
На сосны ветреные, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

* * *

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые «КВ»
В густом березняке.

В высоком небе белый след
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой.
Стучит она, гремит...

Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денечек фронтовой.

* * *

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна блиндажа.

А мы стояли над могилой кругом,
Она, как двери рубленой проем,
В тот мир, откуда нет возврата другу,
Где и весна и зелень — ни при чем.

Ему теперь ни осени, ни лета
Не увидеть над самой головой.
Навек в шинель сосновую одетый,
Он навсегда остался с той весной.

* * *

Когда на фронте наступает ночь
И в небе загораются ракеты,
Они встают, идут от фронта прочь,
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха
В истлевших гимнастерках и пилотках

Они встают, беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых
Бессонных у замолкнувших орудий,
Они зовут по именам живых,
Но их не слышат все живые люди.

Их вдаль ведет извечная тоска
К жилищам мирным, к отческому дому.
Они спешат, дорога далека,
По перелескам темным, незнакомым.

Но их в пути вдруг застает рассвет,
Петуший голос на краю России,
И на восток пути им больше нет
Через поля широкие, пустые.

Тогда спешат они к своим местам,
В неизвестные холодные могилы,
И воронье взлетает по лесам
И вслед кричит им хрипло и уныло.

Но если кто успеет дошагать
По тропам тайным в то село родное,
Проснется ночью старенькая мать,
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго,
Почудилось, что в двери стукнул сын,
А это ветер в дверь стучит щеколдой.

И станет долго во дворе скрипеть
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,

В трубе печной о чем-то долго петь...
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек
Под небесами отческого края,
И станет там кричать, как человек,
Осенний ветер, по полям летая.

Друзей немало хоронили,
Погибших под огнем в бою.
Но те, что снова в бой ходили,
Никто не верил в смерть свою...

Все потому, что, встав по знаку
Ракеты, устремленной ввысь,
Шли в смертный бой друзья, в атаку,
По молодой земле — за жизнь!

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кошунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,

Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящей навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую.

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать,—
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкую?
Кто обнимет мать тогда
В праздник, одинокую?

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Все по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

* * *

Ночь бела, закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через бои и войны.
Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.
Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?..

* * *

Тонкая российская береза
Посредине польмя, огня,
Ничего, что небольшого роста,
Встала, к небу голову подняв.

Падал, умирая, ветер сбоку,
Шел стеной расплавленный металл,
Будто бы коса траву осоку,
Убивал деревья наповал.

Вся была снарядами изрыта
Черная чугунная земля,
Били танки кованым копытом
Вкруг нее долины и поля.

А она стоит себе, простая,
Будто не бывало ничего,
Белая, лучистая, босая,
Вечной жизни свет и торжество.

* * *

Он ничьих не называл имен
Перед смертью в душном медсанбате
И не звал в атаку батальон,
Тщетно поднимаясь на кровати.

Адресов в планшете не нашли,
Слез никто не обронил под вечер,
Холмик рыжей глинистой земли
Не спеша насыпали на плечи.

И ушли, а в небе тучка шла
И неслышно, будто мать над сыном,
Словно слезы, скорбна и светла,
Уронила крупные дождины.

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили —
В приметы верят люди на войне,—
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,

Мы, может, до годов шестидесятих
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета»,—
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне».

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу солдат
И, подвластная запевале,
Грянет в небо, гармони в лад.

Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь костра...
Никому у него не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо...
Пусть четыре года разлуки,
Мы, друзья, подождем еще,

Пусть вокруг нам земного шара
Предстоит обойти... Пройдем!
Ведь поется в песне не даром
О хорошей встрече потом...

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной,
Хоть на обочине, в пыли.

Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли...

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесем с тобой,—
Мы люди, а она — стальная...

* * *

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо обронят,
Вдаль летя своей тропой.
Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.
Вырастут на свете люди,
Что еще не родились,
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

* * *

Когда под пулями лежишь,
Уткнувшись в землю, без движенья,
С особой силой ощутишь
Закон земного притяженья.
Ты двадцать лет ее подряд
Спокойно попирал ногами
И лишь к ручью склониться рад,
Припав горячими губами.
Ползет по кочке муравей,
И ты, всесильный царь природы,
Ты позавидуешь ему
Лишь одному под небосводом.
Он мал, он в землю уползет,
Его не тронет пуля злая,
Твой друг убит, а он живет,
Ни войн, ни битв не признавая.
Земля — она как щит стальной.
Когда поднимаешься по знаку,
Захочется перед собой
Ее поднять, идя в атаку.

* * *

Учила жизнь сама меня,
Она сказала мне,
Когда в огне была броня
И я горел в огне.
«Держись,— сказала мне она,—
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.

Держись,— сказала,— за меня».
И, люк откинув сам,
Я вырвался из тьмы огня
И вновь приполз к друзьям.

* * *

Знаю я: в песчаник иль суглинок
Мне придется все же мертвым лечь,
И земли тяжелой пол-аршина
Мне насыпят на воскрылья плеч.

Мне земли не скинуть, столб не сдвинуть,
Но по истеченью многих лет
Стану я песком, пахучей глиной,
И меня тогда на белый свет

Извлечет гончар веселый, рыжий,
И из глины вылепив кувшин,
На огне меня до звона выжжет,
И продаст на рынке за алтын...

И девчонка в жаркий, пьяный полдень,
Встретится с какой не довелось,
Ключевой водой меня наполнив,
Поцелует, жадная, взасос...

* * *

Вздыхнула наконец легко
Земля, под леплом оживая,
И стало видно далеко
Солдату в этот полдень мая:
Европу всю из края в край,
Америки далекой берег
И цепи журавлиных стай
Над деревушками под Тверью,
Туманы в лондонском порту,
Над Индией дожди косые —
Вот на какую высоту
Взошел солдат в родной России.

МАТЬ

Она молилась за Победу —
Шесть сыновей на фронт ушли.
Но лишь когда упал последний,
Чтоб никогда не встать с земли,
Победа встала на пороге,
Но некому ее встречать...
«Кто там?..» — спросила вся в тревоге
От слез ослепнувшая мать.

ПОБЕДА

Она пришла с улыбкою с вокзала
И скинула с порога вещмешок.
В избе светло необычайно стало,
И сразу ни печалей, ни тревог.

И мать руками сына обнимает.
Так вот она, Победа, какова:
В защитной гимнастерке, молодая,
И у нее седая голова...

* * *

Будут жарко натоплены печи,
За морозным окном тишина.
Отставной лейтенант в этот вечер
Загрустит за бутылкой вина.

А с пластинки, надтреснутой, черной,
Чей-то голос, негромкий, родной,
Повторять ему будет упорно
О землянке в походах под Мгой,

О равнине, холодной и мертвой,
О девчонке, курносой чуть-чуть,
Что живет на пластинке истертой
Да, наверно, еще где-нибудь.

БЕЛОЗЕРЬЕ

1

Здесь ели, словно колокольни,
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты,
И за раздольем трав духмяных —
Болотных, рыжих и густых —
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты,
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной.

2

Вновь над курганом Синеуса
Взошла червленая луна,
Над всею православной Русью,
Как круглый русский щит, она.
Пускай она в Тысячеверстье,
Там, за Непрядвою-рекой,
Князей отважных, белозерских
Прикроет сталью броневой.
Там небо скрыто в тучах чадных,
Крик над мамеевой ордой,
Князя выводят полк засадный...
О Русь, вот день победный твой.

3

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу,

Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропшу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж. И Русь его.
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

А мне, как чайке, убиваться
Над озером, тоску тая...
Не сможет по Шексие подняться
Его узорная ладья...

* * *

На фоне нарисованного сада,
Где статуи белеют и дворцы,
Четыре парня как-то снялись рядом,
Совсем еще безусые юнцы.
Они глядят восторженно с портрета
Вдаль из забвенья преданного дня,
И крайний паренек по всем приметам
Похож на непохожего меня...
Смешные, неуклюжие мальчишки,
Им даже в снах не снилось
В дым, в огонь шагать...
Жить, как тому не обучали книжки,
Спать на снегу, пить спирт и убивать...

Ну что судьба, ты на нее не сетуй,
Неповторимо наше бытие,
Она тебя вела по белу свету
И сохранила в тысяче боев.
Мир многоцветен, груб и многократен,
В нем жажды до конца не утолить,
И не предвидеть ничего заранее,
И никогда не отхотеться жить.
Жить так, чтоб за спиной широкой вьюга,
Чтоб звездная метелица мела.
Морозы тундры, злое солнце юга
И день и ночь, горячий свет и мгла.
Чтоб рушилось и снова возникало,
Чтоб солью пропитался воротник,
Чтоб в руки въелась изморозь металла,
Огонь в тугие мускулы проник.
Чтоб шли деревья сильными ногами,
Чтоб плакали и пели поезда,
Булыжники гремели кулаками
И трепетала синяя звезда.
Чтоб где-то на сосновом полустанке,
В далеком и неведомом краю,
Девчонка, босоногая белянка,
Вдруг загляделась в молодость твою.
Пройдут года, и с женщиной любимой
Когда-нибудь неправду ощутишь,
Ты вспомнишь полустанок, клубы дыма
И вновь о невозвратном загрузишь...
И вновь не будет на сердце покоя,
Тебе простор откроется иной:
Пить жар степей, смолистый запах хвои,
Цветов и трав томительный настой.

Лугам не сохнуть, не иссякнуть водам,
Не надышаться воздухом тебе,
Не запроситься на покой и отдых,
Не изменить товарищам в борьбе.
Они прошли по этой жизни просто,
В подкованных тяжелых сапогах,
Махоркой и соленым потом воздух,
Где шли они, на все века пропах.
Им было трудно, но путям спокойным
Они и в мыслях свой не предпочли
Жестокий путь, через труды и войны
Ведущий к счастью ясному Земли.
Их руки с узловатыми корнями
В суглинке и песчанике сплелись,
И не понять, корнями иль руками
Поднята ввысь ликующая жизнь.
И не понять, какие хлещут соки
По жилам медных сосен и дубов,
Где жизнь берет начало из гробов...
Взгляни на мир широкими глазами,
Завещанный друзьями, в смертный час.
И вот ты, весь его увидев, замер...
От полюса до полюса лучась,
Земля вертится, накренясь грозно,
И метлы пальм на тропиках с небес
Сшибают заполючные звезды,
И вздрагивает, в них сверкая, Южный Крест.
Дымятся горы, необычно юны,
Пьянит кристальный воздух, как вино.
За жемчугом ныряльщики в лагунах
С ножом в руке кидаются на дно...
Конь поднимался, рыжий ястреб падал,
На цыпочках качается трава,
И сквозь шторма таинственной привадой
Морепоходцев манят острова.

Геологи втыкали альпенштоки,
К отвесным скалам привалясь плечом,
И день вставал горящий на востоке,
Не кончившись на западе еще...
Костры горели где-то на привалах,
Ни на минуту мир не замирал.
Все в нем перекликалось, трепетало,
Ворочалось, сшибалось наповал.
Невпроворот свирепая живучесть
Бурлит на скалах, горяча.
Земля свою положенную участь
Несет, как солнце, на литых плечах...

* * *

Что-то в области сердца...
Умру не в постели,
На ногах, как солдат умирает в бою...
Смерть придет и пристрелит меня на панели,
Милицейские тут же меня отпоют.

Не хочу,
Чтобы мне подавали машину
Голубую с малиново-алым крестом.
Уберите от ног эти черные шины,
Я привык путешествовать только пешком.

Я умею ходить,
Поднимите меня, ради бога,
Столько лет я учился ходить по земле,
Столько знал я дорог,
Что последняя эта дорога
Нипочем, я дойду, хоть ее и не видно во мгле.

Не имеете права
Меня потрошить. Как вы смели!
К черту морги, в них пахнет,
Откройте в земле мою дверь,
Постучите лопатой,

Взломайте ломами...
В апреле
Не оттаяла почва,
Но вы потрудитесь теперь.

* * *

Слесари, танкисты и поэты,
Люди молодого ремесла.
В дымке бесконечного рассвета
Юность поднимает выпела.
Мы на свете вечно новоселы,
Мир почти не обжит, сколько в нем
Нам еще орудовать веселым
Топором, лопатой и пером.
Будут новостройки и биваки,
Много пар сапог истопчем мы...
Бытия неведомого знаки,
Звезды прорезаются из тьмы.
Настежь мир распахнут ветрам, ливням,
Громом ударяют небеса,
И летят ликующе-призывно
Дымных океанов голоса...
Мы еще на дальние планеты
Корабли Союза поведем,
Слесари, танкисты и поэты,
Мы на желтую луну взойдем.

* * *

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут.
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстояньем,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

* * *

*Матери,
Екатерине Яковлевне*

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел,—
Несмотря ни на что, уцелел.

И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесется эшелон,
В золотых лесах по пояс,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду начеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина иль из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

ВИНО

В подвале каменном вино
Стояло много лет.
В великий день извлечено
Оно было на свет.
В тот день на свете мир настал
После жестоких войн.
Уж, видно, виноградарь знал,
Что будет день такой.
Он выдержал свое вино,
Каким лишь только мог,
И победителей оно
Валило наземь с ног.
Смеялся за столом солдат,
Вином и счастьем пьян:
«Не мог свалить меня снаряд,
А валит с ног стакан!»

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

* * *

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье,
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут,

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

* * *

Медленно вращается Земля,
И летят планеты по орбитам,
Молодой Галактики поля
Мглой белесоватую покрыты.

А с Земли в упор на мир глядит
Человек упрямый и смятенный,
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной Вселенной?

Сколько проторить еще дорог.
И как будто в путь собираясь тут же,
Он подошвы пробует сапог
И ремень затягивает ту же.

А под ним на полюсах поля,
Снегом освещенная и светом,
Медленно вращается Земля,
Не совсем обжитая планета...

В МЕТЕЛЬ

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую заметь снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо словно парус в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы,
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светло-русым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка

Над самобранкой, белою как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна,
Мы в полночь непробудную плывем
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой за деревней.
За тридевять земель сбежал Кашей —
Нам песни петь, мед-пиво пить с царевной.

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы,
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

* * *

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что́ перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

* * *

Было утро, шумели травами
Сенокосы в лесах глухих,
Да за дымчатой переправой
Перекрикивались петухи,
Да березки ствол забинтованный,
Над рекой наклонясь, белел...
Милой родиной околдованный,
Встал солдат и вздохнуть не смел.
Все, что в дымной дали горячечной
Только сердцем он видеть мог,—
Не приснившееся, настоящее
Расстиралось у самых ног.
Вот дорога в ромашках торная,
Та, которой до смерти рад...
Край родимый, вся жизнь просторная —
Наивысшая из наград.

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,

Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.
Пожилой паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках
На пароме по реке.

Он упрется в борт старательно —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.
Пусть канат скользит, как сыромьять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,
И качнет ответно кронами
Бор на правой стороне.
А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.
«Разреши огня, пожалуйста!—
Спичка выстрелит в руке.—
Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Одере-реке?..»

ПОЛЕ

Здесь было поле боя, смерти поле,
Зловеще пел над травами металл,
Земля кричала по ночам от боли,
Солдат на этом поле умирал.

Горели танки, черный дым газойля
Вздымался вверх и падал с высоты,
Росли одни посередине поля
Колючие железные кусты.

Теперь пшеницы море золотое
Бушует там, где бушевал огонь,

И тишину над бывшим полем боя
Тревожит только песня под гармонь.

Широкое спокойное раздолье,
Колхозным полем вновь тебя зовут...
Здесь было поле боя, смерти поле —
Отныне поле жизни будет тут!

* * *

Где тишина и запустенье,
Кладбища тлен —
Геометрические тени
Заводских стен.
Там, за колючею оградой,
На пустыре,
Стальные мертвые громады
Спят на заре.
Огонь зари на ранах рваных
Горит, дрожа,
И копоть черная на ранах,
И ржа рыжа.
Грозят стволы орудий черных,
Тупы углы,
И в отделении моторном
Черно от мглы:
Там, где взрывная мощь газойля
Ревела в нем,
Стальные мускулы, как болью,
Свело огнем.
Репей, пробившийся сквозь траки,
Цветет как кровь,
И ветер танковой атаки
Не вспыхнет вновь,
Не опалит железных легких...

Не встанет вдруг
Танкист,
Открыв движеньем легким
Тяжелый люк.
Но долетает издалека,
От хуторов,
Глухой дизель-моторный рокот,
Гул тракторов.
И танкам снится спозаранку,
Что по стране
Демобилизованные танки
Идут в огне.
В огне хлебов ведут комбайны
В полях страны...
Бессмертия металла тайны
Им вручены!

* * *

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся, шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

* * *

Как стога стоят снега,
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь алела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайперá за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной название
Получил наутро полк.
Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел,—
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.

Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался ничем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Сапоги заскорузлые в глине сухой.
Шел от пыли совсем седой.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо.
По плугу тосковали руки,
Тянули, как магнит, поля,
Да, он почувствовал в разлуке,
Что значит для него земля...

Он думал, жег табак в ночи,
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу,
И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты,
Поля черны, холмы покаты
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато.
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Призывно пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий...

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли,

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

* * *

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле,

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо,

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным,—
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
«Если поле перейду,
Будет жизнь прожить нетрудно...»

* * *

Словно башни победы — на рыжих увалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.

Над дорогой, над елью, над камнем, над срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный час.

И уже на селе вышибает дубовые днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув голенища,
Вот ударят баяны, и в пляску пойдет.

В кумаче горизонт... Я люблю это время застолиц,
Добрых свадеб до самой последней звезды,
И сто тысяч гармоник на гребнях ста тысяч околиц,
Дым победного пиршества после горячей страды.

* * *

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России —
И всю ее прикрыл собой.

1949—1964

ЗВЕЗДА

Там пахло ваксой и махоркой
И влажной теплотой сукна,
Где выдал мне ее в каптерке
По списку ротный старшина.
И я не то чтобы беспечно,
Но просто прикрепил как мог
Эмалевый пятиконечный,
С серпом и молотом значок.
Я не подумал, как вставали
С ним в восемнадцатом году,
Как коммунистам вырезали
Дроздовцы на груди звезду...
Гремела сапогами рота
У зеркала тогда полдня.
Огнем, газойлем, кровью, потом
Не обнесла судьба меня.
Немало полегло навечно
Друзей-годков в земле сырой
Под алою пятиконечной
Красноармейскою звездой.
Давно я снял свои погоны,
Уже давно другой комвзвод
В моем полку краснознаменном
Всю службу за меня несет.

Не пишут ничего газеты
Про то, чем занят командир,
Не потому, что тайна это,
А потому, что мы за мир.
Но и теперь дороже нету
Ее одной на все года.
Неси лучи по белу свету,
С серпом и молотом звезда.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Наши комсомольские билеты
С датами годов сороковых
Сохраняют памятные меты,
Жаркий отсвет пламени на них.

Синие поблекшие чернила,
Подлиси комсоргов полковых
Воскрешают незабвенных, милых,
Русых, синеглазых, молодых —

Тех дружков, с которыми делила
Молодость заправки и табак,
Тех дружков, с которыми ходила
Молодость на смерть в огне атак.

На снегу нетающем, примятом —
Русые, огнистые чубы,
Юные безмолвные солдаты,
Со звездой фанерные столбы.

А по горизонту свет холодный,
Свет ракет, текучих в вышине.

И вперед зовущий строй походный
Танков на дороге в стороне.

Наши комсомольские билеты...
Тронь страницы, и года встают.
Все в сукно армейское одеты,
И опять товарищи поют —

Молодые верные ребята,
Так и не узнавшие дружки,
Как ромашкой, донником и мятой
Веют руки милой у щеки.

Наши комсомольские билеты...
В них не меркнут жаркие костры,
В них плывут и падают рассветы
У железной Пулковской горы.

В них гремит по европейским странам
На Берлин катящийся волной
Гром победы, радостный, желанный,
В сорок пятом — памятной весной.

В них цветы и слезы той минуты,
Что пришла, как свет, наверняка
И огнем московского салюта
Землю озарила на века.

* * *

Свет звезд идет к Земле годами.
В ночь настезь распахни окно —
И, может, вспыхнет пред глазами
Звезда, рожденная давно.

Темны, глухи вселенной тропы,
А под окном трава звенит,
Стеклом и сталью телескопов
Прощупывается зенит.

Встают в стекле столбы стихии,
Отбушевавшие давно,
Вот так же свет Земли, России
Вселенной принимать дано.

Стремительно и дерзновенно,
Под стать, быть может, лишь мечте,
Свет движется во всей вселенной,
Живой, в межзвездной темноте.

Так за морями, за горами,
Над азиатскою тоской,
В крови и пепле, во Вьетнаме
Уже воспрянул род людской.

Так у звезды Полярной где-то
Семнадцатый бушует год —
Над Петропавловской ракетой
Фонарь взлетает в небосвод.

В созвездье Лиры пыль клубится,
Горят костры, блестят штыки,
Буденновские колесницы
Багровый ветер рвут в куски.

Метет метелица стальная,
И гнется Млечный Путь под ней,
Клинками сабель озаря
Папахи, бурки и коней.

Там жив Чапаев над Уралом,
Там у походного костра
О нас мечтают запевалы,
Не засыпая до утра.

А от Земли в лавине света
К мирам в космической дали
Уже несут, звеня, ракеты
Звезду кремлевскую Земли.

ТАНКИ В СТАЛИНГРАДЕ

Встали танки энского полка
На бетонных вечных пьедесталах
Там, где насмерть гвардия стояла,—
От Красноармейска до Рынка́.

Купол неба ярк и высок,
Тихо Волга плещется о сушу,
И легко ложатся на песок
Несгибаемые тени пушек.

И хотя разгромлена война,
Люки не задраили башнеры.
В башнях поселилась тишина,
Но знакомо воздух рвут моторы.

Дизельные жаркие сердца
Громко бьются на путях гудронных,
На полях пшеничных у Донца
И в забоях трассы Волго-Дона.

На века в соседстве здесь стоят
Башни танков, что на пьедесталах,

И у вознесенных эстакад
Башни шлюзов нового канала.

К миру устремленная земля
Солнцем залита, росой умыта,
В юные одета тополя
И броней танковой прикрыта.

* * *

Катятся мохнатые шары
Изредка по рыжему раздолью.
Все в степи погибло от жары,
Есть одно лишь перекасти-поле.

Пестрый шур, да суслик-истукан,
Да один на весь небесный купол
Ястреб, как старинный ятаган,
В синеве поблескивает скупо.

Я в степи не видел ковыля,—
Где он, в песнях и стихах воспетый?
Выжженная, голая земля —
Вовсе не лазоревого цвета.

Есть в степи иная красота.
Видел я: казак донской станицы,
Не узнав знакомые места,
Загляделся на ее зарницы.

Сколько клял он горизонт в пыли,
Что вскипал, бедою угрожая,
Сколько пропадало здесь земли,
И сгорало сколько урожая!

И какой тут, к черту, красотой
Очаруют и заманят дали
Этой пропадавшей и пустой
Выжженной земли. Земли печали.

Но трехтонки поднимали пыль,
Воздвигая горы в котловане.
Экскаватор голой степью плыл,
Как корабль огромный в океане.

Вспыхнули вдали огни подряд,
И похожа стала степь на город...
Резал ястреб в высоте закат
И не мог перевалить за горы!

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ

На энской на дальней заставе,
Где сосны одни да туман,
Начальник заставы отставил
С коричневым чаем стакан.

Включает усталый начальник
Приемник среди тишины
На энской заставе на дальней
У самого края страны.

Довернута «громкость» на полный,
И стрелка ползет вдоль шкалы,
Сшибаются радиоволны,
Как бурного моря валы.

Болгарская речь донесется —
Певица в Софии поет,

Начальник легко улыбнется,
Ладонью щеку подопрет.

Припомнит дунайские ночи —
Он был в этих славных местах,
Вот жаль, по-болгарски не очень
Начальник заставы мастак.

Стремительный гул и нестройный
Ворвется в динамик вослед.
Поправит начальник спокойно
На поясе свой пистолет.

Чтоб сесть поудобней, поправит,
Да брови нахмурит слегка,
Да вспомнит о танковой славе
Ходившего к Эльбе полка.

В плащах потемневших, тяжелых
С границы приходит дозор...
Срывается радиоголос,
Негромкий идет разговор:

— Порядок. Оружье почистить.
В сушилку плащи, старшина!—
Как бабочки, мокрые листья
Налипли на стекла окна.

Наверно, в Москве в это время
Такие же листья летят.
Он смотрит в ненастную темень,
Он хочет увидеть Арбат.

И вот, будто в центре столицы,
Средь черной лесной тишины

Куранты гремят на границе,
У самого края страны.

Машины, гудя, пролетают,
А дождь подступил как стена.
И он старшину вызывает:
Удвойте наряд, старшина!

ЗАСТАВА ИМЕНИ КОРОБИЦЫНА

В квадратной самодельной раме
Закат меж соснами горит,
Ручей в бурлящем беге замер
И неподвижно снег летит.

Там, возле старого сарая,
Где до границы два шага,
Со смертью в прятки не играя,
Встречает часовой врага.

Художник-старшина, на славу
Владея кистью, как окно
В далекий день своей заставы
Открыл на стенке полотно.

Тревожный ветер веет в лица
От заснеженного холста,
И бьет с колена Коробицын,
Ни шагу не сходя с поста.

Четыре дула поднимая,
Враги подходят стороной.
Вот-вот ударит пуля злая —
И упадет на снег герой.

Но на заставе знаменитой
Стоит его кровать в ряду;
Подушка аккуратно взбита,
И полотенце на виду.

Как будто он кровать заправил
И только что ушел в наряд,
Не зная о бессмертной славе,
Пришедшей много лет назад.

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

* * *

Коль будет трудно, я приду туда,
В ту рощу забинтованных березок,
Где спит в воронках рыжая вода
И черный танк в огне заката розов,
Пять лет прошло, а танк еще горит,
Трещат сухие сучья, как патроны,
И столб багровый северной зари
Стоит над башней черной, опаленной,
Я в ней горел, искал рукою люк,
Срывал одежду на снегу горячем,
Здесь мой солдат, мой закадычный друг
Стрелял из пулемета наудачу.
Да, я приду, и я опять смогу,
Коль с ног собьет, подняться в рост в ненастье,
Последнюю гранату — по врагу.
И словно в жизни пробиваться к счастью.

* * *

Экскаватор встал с лопатой,
Как железный человек,
Кряжистый, сутуловатый,
Режет землю между рек.

Загребет ее сначала,
Поднатужится слегка —
И над бруствером канала
Черная летит рука.

А в кабине,
В майке синей,
Щуплый, шустрый паренек,

Но без паренька машине
Как без рук и как без ног.

Не поднять песчинки малой,
Даже с места не сойти,
Если бы не этот малый
Лет неполных двадцати.

Паренек безусый, русый —
В городе окончил курсы.
Агрегат зовет папашей,
Бьет ладошкой по плечу:
«Мы с папашей сутки пашем
И не устаем ничуть!»

Газ — ногою до отказа,
На себя рычаг рванет,
Подмигнет девчатам глазом
И такое скажет:

«Мне бы, девушки, по чину
Надо новую машину —
Да на Волго-Дон канал...
Я тогда бы жизни дал!»

Жизни дал!
Рекорд вчерашний
Перекрыт.
Потрясены
Облаков крутые башни,
Нет на свете тишины.

Жизни дал! И землю режет
Ковш без усталости в упор.
Жизни дал! Но только скрежет
Вдруг раздался, — встал мотор.

Встал, чихнув перед пригорком.
И больше нет в тот час
Шутки, чьей-то шутки горькой —
И не в бровь, а прямо в глаз,—
«Вот и Волго-Дон, вылазь...»

На брезенте — жестком, новом —
Весь разложен инструмент.
Подошли.

«Привет!»—

«Здорово!»

И пахнуло на момент
Далью памятной, которая
Озаряет жизнь мою,
Будто встретил у мотора я
Юность русую свою.
Вот стоит она — упорная,
Руки в масле до локтей;

Там, в бою за речкой Черною,
Кто придет на помощь к ней?
Мины ахают над пашнею,
Огонь в сухой траве,
И молчит с недвижимой башнею
Тяжелый танк «КВ»...
Будто снова я на фронте...
День горяч. Мотор молчит.
«Нет поблизости ремонтников»,—
Механик говорит...

«Ну-ка, дай ключи! Умение,
Что далось ценой потерь
На войне, в боях-сражениях,
Пригодится нам теперь».

И в ладонь ложится веско
Сталь, привычная рукам.
Но отводит парень резко
Руку в сторону:
«Я сам!»
Сам! Холодный блеск железа
Отражается в глазах,
Ключ в ладонь упрямо врезан,
Капли пота на висках.
Наклонился к раме низко,
Будто весь в железо врос.
Первый раз меняет диски
Не на курсах, а всерьез.
А по глине на откосе
Все короче тень стрелы.
Парень помощи не просит,—
Пальцы рук его белы,
Вздулись мускулы под майкой,—
Заколодило, стоит...

И сказал я тихо:
«Дай-ка,
Силой тут не взять!»
Молчит.
Пододвинулся...
Паленым
Тянет в лица ветерок.
Дым идет от фрикциона...
Так и есть! Сцепленье сжег.

Но пошла вдвоем работа
Веселее... Он ко мне:
«Где учился?»—
«Да в болотах —
Подо Мгою, на войне.

До войны не приходилось,—
Сожалел не раз о том.
Научился — пригодилось...»

День идет своим путем.
Глухо лязгают лопаты,
На откосе тень стрелы
Вверх пошла..
«А я в солдаты
Не гожусь — лета малы.
Только я не унываю:
Вот придет пора служить,
Я мотор заранее знаю —
Пригодится, может быть!»
В мирный полдень, не в бою,
Повстречал я у мотора
Юность русую свою.

* * *

Говорят, что мы — поколение
И что этим мы и славны,
Поколение — повелением
Высочайшим самой войны.
Ох как трудно стать поколением,
Если мы бы не стали им,
Все закончилось поражением
И падением мировым.
Что ж, выходит, что поколением
Называют нас не зазря,
Поколение не год рождения,
Поколение — год Октября.
Поколение — фронты гражданские.

Поколение — гребни плотин,
А не просто по свету странствие
От крестин и до именин.
И живем мы, ничем не хвастая,
В этом нашей заслуги нет,
Только есть ощущение ясное
Не напрасно прожитых лет.

В ГОРОДСКОМ САДУ

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забуть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны —
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.
А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни —
Мы были с тобой в сорок первом
Таковыми, как нынче они,

Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.
Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли.
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечках мест.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете,—
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки,—
Для всех друзей в том мае в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

В ЧАЙНОЙ

В новой чайной Дома крестьянина,
В дальнем Кичменском городке,
Два танкиста-однопольчанина
Повстречались накоротке.

Чемоданы, пальто на вешалку.
«Ты куда?»—«Ну, а ты как тут?»—
«Эй, девчата, давай не мешкайте,
Остановка на пять минут!»

Зазвучали в чайной названия
Европейских столиц седых,
Называли себя по званию
Два товарища боевых.

Поименно друзей припомнили,
Не пришедших издавека,
По края стаканы наполнили
За дела своего полка.

А в углу баянист нечаянно
Тронул медные голоса,
И тогда захлестнула чайную
Ветра жаркого полоса.

Было песнею все досказано,
То, что вспомнилось за столом,
Все досказано и доказано
Про Европу, да и про Азию,
И запел баян об ином.

Где-то волны плеснули синие,
Где-то дрогнули ковыли,

Как мотив голосами сильными
Подхватили и понесли.

В песне вынесла струги быстрые
Волга-матушка широка,
Та, что нынче свела у пристани
Двух товарищей из полка.

РАКЕТЫ

В наше время скорости и света,
Штурма неба мировых высот,
У меня есть дальняя планета,
И с нее ко мне летят ракеты
В праздники уже который год.
Вот они выходят на орбиту
Памяти

по небосводу вновь.

В сердце у меня для них открыты
Верность, благодарность и любовь.
Рвут они ночное покрывало.
Постоим, уйти повременим.
Вот уже как будто не бывало
Времени со сменой лет и зим.
Полк гвардейский, Мгинский, тридцать третий —
Жаркая планета средь планет
Юности моей,

на белом свете

Памятней ее,

пожалуй, нет.

Что со мною делают ракеты —

Шлют воспоминания сюда.

Я стою в бесшумных вспышках света,

А вокруг меня режут года.

Плещет дым газойля горьковатый,
Тяжкая колышется броня.
Снова в шлемах танковых ребята,
И дороги, полные огня.
Дружба — дружбой. Снова ради друга
По снегу товарищи ползут.
Я лежу под пулеметной вьюгой,
Но они пробьются и спасут.
Времени космическая бездна,
Как стекляшка, рушится у ног...
На земле нежней их рук железных
И надежней я найти не мог —
В ссадинах, в ожогах, в солидоле, —
Вечная поэзия земли.
В чистом поле, во широком поле
Вот они машины повели.
Я стою под звездным ливнем жарким.
В облаках, колышась и звеня,
Гаснут и встают из света арки,
В юность уводящие меня.
Замерло на площади движенье,
Город праздник над землей зажег,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног.

* * *

Я не люблю того, кто мир винит
Во всех своих печалях и невзгодах,
Кто, чуть чего, кричит: «А все они!..»
Неважно, кто они — кто люди, годы.
Мне кажется, я сам тому виной,
Что счастье просто затерялось где-то,
Что в мире меньше радостью одной,
Чем быть могло, и я виновен в этом.

В долгу перед друзьями и землей,
Мне в жизни никогда не расплатиться
За небеса, за тот последний бой,
За вдохновенье, за любовь, за жизнь, что длится.

ПЕРЕД ПАРАДОМ

Уснула города громада,
И, может, час уже гремя,
В ночь за неделю до парада
Идут по городу грома.
На перекрестке иногда
Они встают в равнение стройном,
А дождь идет, течет вода
По стали пушек дальнобойных,
По башням, блещущим слегка,
И по парням в сукне и коже,
Глядящим с башен свысока
На редких в этот час прохожих.
Газойля дым, походов дым...
И, приобщенным к славе сталью,
Им думается, молодым,
Что за плечами плещут дали,
В которых Прага и Берлин,
Пожары, рейды, медсанбаты...
И вот они глядят с машин,
Как всё выдавшие солдаты,
И дела нету им притом,
Зачем без видимой причины
Стоит и мокнет под дождем
Уже немолодой мужчина.

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;

Песни на земле не сочиняют,—
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полахать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Под луною в некотором царстве,
Царстве стали, пара и огня,
Расставанья, встречи и мытарства,
Грусть и радость были у меня.

В нем живет от края и до края
На своих мешках и сундучках,
Неудобства свято презирая,
В неуютных мраморных дворцах,

На полах паркетных, полированных,
У дубовых тронов и ворот,—
Демобилизованный, вербованный
И командированный народ.

В нем поет за тридевятью далью,
Где-то у бревенчатой стены,
Тихая гармоника с печалью,
Завезенной с дальней стороны.

И, как в бабье лето паутинка,
Под гору к петляющей реке
От моста чугунного тропинка
В нем летит и тает в ивняке.

Было так, что сталь в узлы вязала
Бомбовая сила в том раю,
Уходили города к Уралу,
Кровью омывая колею.

И казалось, в некотором царстве —
Нет уже защиты от судеб,
Но на эшелонах бога Марса
Было писано: «Годны под хлеб»...

От небес железных и стеклянных,
Башен, транспарантов и платков
До сторожек грустных, деревянных,
В пятнах солнца, брызгах васильков

Вновь звезда зеленая не гаснет,
И поет, как иволга, рожок,
Люди, продолжая верить в счастье,
Пьют крутой бесплатный кипяток.

День и ночь сменяются без усталы —
В тучах света, в ливнях и в пыли...
И летит, летит дорога узкая —
Две стальные нитки вдоль земли.

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,

Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червленой сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

ХЛЕБ КОММУНЫ

Я с детства начал жить в коммуне
За Бийском у Алтайских гор.
Под небом дальнего июня
Лежал ее земель простор.

Там, как в зеленом океане,
Все было общее до дна:
Дворы, дома и даже баня —
Для женщин и мужчин одна.

Загибы были — коль взглядеться?
Но я то время не сужу,

Я на него глазами детства
Без снисхождения гляжу.

Голубоваты, серебристы,
Плеща прохладою в жару,
Фонтаны тополей лучистых
В коммунегнулись на ветру —

На фоне синих, величавых
Гор, поднимающих хребты.
И в дудках, лопухах и травах
Порхали птицы, как цветы.

Звенела кузница за речкой,
И кто-то врал из нас, что там
Садится солнышко под вечер
И всходит в небо по утрам.

А на плацу, ветрам открытом,
Весь день над крышей дым столбом,
Неладно сшитый, крепко сбитый
Стоял столовой длинный дом.

Там пахло щами на пороге,
Там от дресвы белы полы,
Столы, расставив крепко ноги,
Хлеба к дверям несли из мглы.

Дрожал, врезаясь в корку с хрустом,
Весь в крошках, будто в рже, металл,
Румяный круглый хлеб капустных
След листьев снизу сохранял.

На двух больших ладонях словно
Пекли его в огне печи,

И он хранил их след неровный,
Все жилки, линии, лучи...

Всем одинаковый, бесплатный,
Коммуны хлеб, как тень и свет,
На длинных, струганых, щербатых
Столах некрашенных в обед

И в завтрак был и был на ужин...
А нам, ребятам, словно луг,—
Беги к нему, когда он нужен,
С ним рядом соль, зеленый лук.

И в жестяных бидонах потных
Обрат — снятое молоко.
Пируй, когда тебе охота...
Смешное детство далеко.

Ты быстро улетело, детство,
Уже твоих не слышно крыл.
Но в жизни есть одно наследство,—
И я нигде не позабыл

Коммуны хлеб. Под синим небом
Не раз я ел его потом —
На пятерых буханку хлеба
Рубя трофейным тесаком,—

В ладонь с брони сгребая крошки,
Промерзшие, как серебро,
Под аргналетом и бомбежкой,
Как смерть и жизнь, зло и добро.

Он черствым был, с огнем и горем,
Как слезы был, но в жизни мне

Он не бывал ни разу горек —
Ни в детстве и ни на войне.

И я считаю счастьем личным
Все, что мне жизнь несла, даря:
Коммуны круглый хлеб пшеничный
И ветер близкий Октября.

* * *

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено.
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою и встретились!
Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжкой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1

По всем морям, материкам и кручам
Истории грохочет колесо
С тяжелым хрястом, с яростью могучей
От прадедов к сынам стезей отцов.

А я брожу по странам, где давно
Все по местам расставлено, по полкам,
Оценено, в реестры внесено
И новых не предвидится осколков.

Здесь позабыли все про колесо.
Гигантский обод на незримых спицах
Ничто не крутит. Времени лицо
Бесстрашием и скукою томится.

И колесо колышется, скрипя,
Само собой не трогаясь ни с места...
Спят в громе города, музеи спят,
Европа с сигареткой дремлет в креслах.

Что ей еще? Европа кофе пьет,
Все позади — чума и баррикады,
Концлагери, вожди, война, народ,
Грядущее... Ей ничего не надо.

Немнушийся терленовый пиджак,
Дымок над хрупкой чашечкою гнется.
И в рюмке, как янтарь, дрожит коньяк...
...Что будет, если колесо качнется?!

По случаю побед на той войне
Читают лекции пенсионеры.
Воспоминанья, словно символ веры,
Витают и восходят в тишине.

А за углом мальчишки пляшут твист.
Транзисторы на шеях, как планшеты.
Мир ходуном кидает вверх и вниз,
И места в нем для героизма нету.

Кому какое дело до войны,
Которая была до них когда-то.
Ракеты на весь свет наведены,
И врут о вечном мире дипломаты.

Мальчишки за углом танцуют твист,
Трассируют на камни сигареты.
Согни колени, вскинься, наклонись —
Качается, как тамбур, вся планета.

А памятники в розовом дыму
Плывут среди каштанов, как виденья,
Подобных никогда и никому
Не будут ставить новым поколениям.

Воспоминаний пенсионный свет
Не оживит легенд в забытом храме,
Свистят подошвы узкие штиблет,
И холодно в жару под свитерами.

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Я повстречался с ним в Париже —
В Париже с русским, с земляком,
С потрепанным, притихшим, рыжим
Моим врагом к лицу лицом.

Его случайно не добили
В котле в Курляндии еще.
На пляс Пигаль из водной пыли
Он вынырнул, блестя плащом.

Он появился вдруг, как будто
Из тьмы и праха плотью стал,
Едва по брюкам пресловутым
И папиросам нас узнал.

Щербатый рот в улыбке ширя,
Он злость смирил не без труда:
«Ну, как у нас, в свободном мире,
Вам приглянулось, господа?»

Ну что ж, мы были господами
Пред ним, а он и здесь чужим,
Париж дружил не с ним, а с нами,
И мы заговорили с ним.

«Валяй,— беззлобно мы сказали,—
Выкладывай, чем ты богат!»
За нами города вставали —
Москва вставала, Ленинград...

России зори на полсвета,
Ее и завтра, и вчера.
За ним — лишь, глядя на ночь, где-то
За тридцать франков конура.

Мела на пляс Пигаль свобода
Нейлоном юбок камень плит...
Нет, он не лез без брода в воду
И был отнюдь не лыком шит.

Огней кричащую рекламу
Он не призвал на помощь в спор,
А, так сказать, с высот Нотр-Дама
Вести пытался разговор.

Он взвыл: «У вас с искусством плохо,
Зашла поэзия в тупик,
Я за Есенина, за Блока,
За их божественный язык!..»

Слова выплевывая люто,
Спешил он, словно встрече рад,
И я услышал в ту минуту,
Как бьет немецкий автомат.

В Курляндии, в сорок четвертом,
Он бьет, страшась сдаваться в плен,
К стене припертый, в злобе мертвой...
Но здесь Париж шумел у стен.

И мы сказали: «Что ж, неплохо,
Твоя хула для нас — хвала.
Но ты Есенина и Блока
Не тронь, а то сгоришь дотла».

...Все это было б эпизодом
Без обобщенья, но не раз
Встречался я за эти годы
С прищуром лютых мертвых глаз.

И я стихи с моим заданьем
В бой вывожу — не на парад,
И нету сосуществованья
На фронте, там, где я солдат.

Идет поэзии пехота,
В пыли и глине горяча,
Но если хвалит враг кого-то,
Я не спешу рубить плеча
И утверждать, что это плохо.

Я помню, выверяя шаг,
Как за Есенина, за Блока
В Париже мой хватался враг!..

В ПРАГЕ

Над синей Влтавой в Праге старой
Цветут высокие каштаны,
Воркуют голуби у арок,
И в солнце-золоте Градчаны.

На площади старинной Праги,
Среди цветов весенних алых,
Стоит, как память об отваге,
Тяжелый русский танк с Урала.

Под ним с утра играют дети
На теплых плитах тротуара.
Им кажется: на белом свете
Стоит он вечно в Праге старой,

Не рвется он огню навстречу,
Тяжелый, грозный бог атаки,—

Под ним цветы пылают вечно,
И вечно солнцем светят траки.

На башню голуби садятся,
Тепло от плит брони струится,
И мирно о него дробятся
Дождя и радуги зарницы.

И детям кажется недаром,
Что с Прагой он в разлуке не был:
Над синей Влтавой в Праге старой
Победа стала солнцем, хлебом.

* * *

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова...
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И лозунг тот — хоть час, да мой —
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед,
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть снова рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.

В зеленом, мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — в дальнем далеке —
Идут, идут полки...

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи выкладкам бесспорным
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом!
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой —

Как в гимне партии поется:
«Ни бог, ни царь и ни герой»,—

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том,
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Д. Хренкову

Быть может, это и не модно,
Но у людей, как у людей,
Они хранятся на комодах —
Тома истории семей.

Люблю семейные альбомы:
Там со страниц на мир глядят
По линии мужской знакомо
Три поколения солдат.

Все молодые, все похожи.
Пусть новый день шумит вокруг!
Там дед не старше, не моложе,
Почти совсем такой, как внук,

Что смотрит с пристальной отвагой,
Сфотографирован на днях
На фоне полкового стяга,—
Семьи надежда и броня.

А дед в шинели, серой, длинной,
Оперся на эфес рукой,
Как будто богатырь былинный
В высоком шлеме со звездой.

Глядишь, и кажется, с налета
В огонь, в степные ковыли
Тачанка в громе пулемета
Опять летит на край земли.

И он на ней, лихой и юный,
И знамя плещет у щеки,
И клич: «Да здравствует коммуна!»
Гремит на все материки.

А там, на деда так похожий,
Как будто дед не постарел,
Сын — и не старше, не моложе —
Все так же молод, прям и смел.

Знакома мне его дорога:
Ведь в сорок первом в ранний час
Труба, сыгравшая тревогу,
В ружье подняла вместе нас.

И на четыре года с лишком
Ушел солдат в огонь и гром.
Я знал о нем не понаслышке
Под Мгой, под Курском и Орлом...

Лет грозных жаркая зарница,
Она одна на все года,
Горит, горит на всех страницах
Пятиконечная звезда.

И ты сидишь, альбом листая,—
Как будто трогаешь рукой
Огни костров и даль без края —
Историю земли родной.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЫЛЕ

Однажды зимой в сорок третьем
Судьба фронтовая моя,
Как будто наградой отметив,
Закинула в наши края.
В ремнях, в полушубке дубленом
Мне был и мороз — не мороз,
С пайком на неделю законным,
Что выдал румяный начхоз.
Мне письма из дома писали:
«Живем мы неплохо, сынок...»
Я знал, что не так, но из дали
Представить всю правду не мог.
И, спрыгнув на станции Тихвин
С платформы состава пустой,
В вокзале полуночно-тихом
Я встретился с правдой самой.
В нетопленном спящем вокзале
Я в кружку набрал кипяток
И пахнувший хлебом и салом
Тугой развязал вещмешок.
И я бы поел, только тотчас
Почувствовал, севши к столу:

Две женщины, с матерью дочка,
Проснулись в недалеком углу.
Как на золотистое чудо
В багровой солдатской руке,
Они загляделись оттуда
В стыдливой и скорбной тоске
На хлеб, две проезжих хозяйки,
Что сами его и пекли
Для фронта в тылу. Без утайки,
Как только они и могли.
Давно это было, а было...
Стал в горле кусок поперек,
Когда вдруг одна попросила:
«Продайте нам хлеба, сынок...»
Продайте, отнюдь не подайте...
Еще не стара, молода...
Иначе не скажешь, — хозяйка...
Сама высока и горда.
Я слов благодарных не слушал...
С росинками радостных слез
Оставил недопитой кружку
И выскочил в ночь на мороз.

ПАМЯТНИК

1

Танкисты спят под камнем и землей.
А танк омыт на крутизне ветрами,
Цветут цветы,
и тополь молодой
Стоит пред ним, как свернутое знамя.
С открытым люком,
в шрамах и рубцах,
С обуглившейся башней, у дороги

Горелой краской пахло от брони
И известью сырой от пьедестала...
«Пусть дети здесь играют, им в тени
Не жарко будет...»— медленно сказал он.
И рухнула обвалом тишина,
Мы на ходу задраивали люки,
И пороха тяжелая волна
Затворы пушек отвела со стуком.

5

Среди хлебов гранитный пьедестал.
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.
По толще стали ты определи,
Какие были витязи когда-то,
Коль на плечах своих носить могли
В полсотни тонн брони гремучей латы.
Танк слышит, как грохочут поезда,
И эхо долго в башне не смолкает...
И по ночам высокая звезда
Встает над ним, горит и потухает.
Зарницы отблеск ляжет на груди,
И тихо вздрогнут неживые траки,
И пристально в просторы поглядит
Тяжелый бог стремительной атаки.

У ЗНАМЕНИ

На плац широкий вдоль молчащих рот
В дни торжества полка или державы
За ним идет вооруженный взвод
Согласно строгим воинским уставам.
Два ассистента около древка.
А шелк кипит и гордо в небо рвется...

Под ним был начат грозный путь полка
И славу обретали полководцы.
— Под знамя смирно!— Замирает полк.
Бесшумно время в ту минуту мчится.
Осветит лица алый жаркий шелк,
И суровеют молодые лица.
О нем поется в песне строевой,
В той, что еще в семнадцатом сложили.
Под ним отцы ходили в штыковой,
Когда патроны на исходе были.
Встал генерал. Рука у козырька,
Недвижимы сыны-однополчане.
Над мирным построением полка
Летит красноречивое молчанье.
А в синем небе на ветру тугом,
То снова трепеща, то замирая,
Полна живым немеркнущим огнем
Горит, зовет святыня полковая.

* * *

Он один остался в кабинете,
По бумаге движется рука.
За окошком ночь, зима и ветер.
Тишина. Ни стука, ни звонка.

День ушел с Москвою и фронтами,
Но, оставшись с будущим вдвоем,
Занят он не праздными мечтами,
А спокойным пристальным трудом.

Где-то хлещут землю пулеметы,
Конница клинками небо рвет.
Но уже он в наши вник заботы,
Вместе с нами, среди нас живет.

Было так!

Ведь в наши дни недаром
Найденная в той ночи строка
Вдруг обдаст живым, не книжным жаром,
Озаряя нас издалека.

И звучат над миром, над Россией,
Подтверждая, как она права,
Ленинские точные, живые,
Как сейчас рожденные слова.

* * *

Романтики двадцатого столетья,
Не на бортах крылатых каравелл,
Не на коне с клинком, где гром и ветер,
А в нашем дне за этот день в ответе,
Завиден и прекрасен ваш удел.
Во имя правды не страшась обиды,
Не думая о славе и чинах,
Вы от Тавриды и до Антарктиды
Повсюду на нетореных путях
За формулами вашего расчета.
Бессонными ночами рождена,
Звенит дорога звездного полета,
Могучим ревом дюз потрясена.
Где ложь, прикрывшись фразой демагога,
Грозится: не сносить вам головы,
Прокладывая истине дорогу,
Не дрогнете, не покачнетесь вы,
Романтики двадцатого столетья,
Я душу грел у вашего огня,
И не было отраднее на свете,
Чем этот жаркий трудный пламень дня.

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрок, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вешала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР.
И в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов,—
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудодня,
А солнца в сенокос, росы и зноя,—
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина, ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали всё без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях,—
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

* * *

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром ночной аэродром.
Повзводно, ротно, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там в небе самолетов след,
Как резкий свет кинжальных лезвий,

Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по́ небу идет,
Пехота в облаках как дома.
О знобкий холодок высот,
Щемящий,
Издавна знакомый.

По тем болотам подо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.

Смотрю, как мерзлую лозу
Пригнул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив,— работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски:
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные до зеленá,
Вот уже как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерком двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит,
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник;
Осторожней, чем к огню,
Тянутся к нему ладони,
Мявшие, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Вовсе не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот,
Кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его,— наверно,
На свете не было б дорог.

Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг,
Собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй,
Чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый,—
Не бог, не царь и не герой.

И Русь не та, и русские не те...
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те, и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки —
Конец войне!
И в десять дней, не боле,
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды,—
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь, когда
Пойти вослед, так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор, когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.
А не она ли родина Свободы?
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа и ума
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

Они верны без страха и измены
Той партии, в которой состоят;
А ей подвластны даль и глубь
Вселенной,
И нет на свете никаких преград.

* * *

Ах, песни старые, забытые,
Запетые до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Вы словно в молодость мосты.
Вздохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где конники
И радуги
Благословляют вас.
Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера иду до Зимнего
К себе и в молодость отцов.
Пусть наотрез права пословица,
Я с ней не спорю, не хочу.
А песня все-таки не клонится,
И ей такое по плечу.
Смотри, взошла она, и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящею дорогою,
И снова славе нет конца.
И сторонятся те, которые
Новы и модны, может быть,
Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить

Святые, юные, безвестные
И бескорыстные творцы —
Признание себе не песнями
Снискавшие в огне бойцы.

МИРНАЯ ПЕСЕНКА

Сквозь страхи века атомного грозные
Ко мне приходит нынче неспроста,
Пронизанная ливнями и звездами,
Как солнце неотступная мечта.

Гражданские заботы перевесили,
Распущены солдаты по домам,
Война уж не работа, не профессия,
И незачем глазеть по сторонам.

В мартенах танки с пушками ворочая,
Старательно вращается земля,
Спокойная, зеленая, рабочая,
Антеннами травинок шевеля.

И мы — как будто пыльные реликвии,
Действительно которым нет цены,
С последней, называемой великою,
Историей оправданной войны.

Вы скажете — фантазия, идиллия!
Ну что ж, я оптимист и фантазер.
Но если страхи в мире победили бы,
То б шар земной не дожил до сих пор.

И с каждым днем крепчает убеждение,
Что только так должно быть на века.

Фантазия становится движением
На всех пяти земных материках.

И в сторону мечты быстрее вращается,
Под звездами и ливнями пыли,
Хотя кому-то это и не нравится,
Любимая людьми навек земля.

НОЧЬ

В час, когда приближаются звезды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле,—
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчек петит,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайно ненависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свея
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи,—
Чье-то сердце опять
Над землею стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу с юга
(Шире шаг, почтальон!),
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

«Всем и всем» — под звенящими льдинками звезд
Бьется жилка мольбы о холодный зенит.
«Всем и всем» — пробивается жаркое «SOS».
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рев океанов и материки
Узы дружбы, как меридианы, крепки,
Протянулись, прилив вызывая в крови.
Вся планета окутана дымкой любви.

МОИ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.

Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.

Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото.
Вот оно лежит, белым-бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

СОСНА

На белом, розовом, на синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя иней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластаясь,
Вся зелена, вся золотá,
И, в кроне солнцем обливаясь,
Звенит и рвется высота.

Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшись когда-то,
Назад лет двадцать, на снегу.
Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит сосна.
Не властно время
Того, что было, изменить.

* * *

Вчера еще со школьной парты,
В том ничего плохого нет,
Идут в поэзию, как в партию,
Мальчишки в восемнадцать лет.
Они от дела днем не бегают,
Им дела нету до себя.
Они стихи ночами делают,
Отечество свое любя.
В них ложь они клеймят запальчиво
И с косностью вступают в бой,
И в том они отнюдь не мальчики,
Как именуют их порой.
Им мало на заводах вкалывать,
Науку грызть, пахать поля.
В них силы вложены не малые,
Такая уж у нас земля,
Где с детства воздух революции
Пронизан молниями лет,
Где деды вечно остаются
Мальчишками с клинком в седле,
Где кровь отцов звенит и требует,
Чтобы на свете никогда

Вовек войны проклятой не было
И чтоб не встали те года,
Когда людей хватали вóроны,
Закрыв крылами белый свет...
И пусть на все им хватит пороху,
Мальчишкам в восемнадцать лет!

* * *

Я давно увидел в первый раз —
Как оно меня не ослепило!—
Чудо женское зеленых глаз,
Где, когда, не помню, это было...

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным взглядом...

Два дождя стоят в ее зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские,
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, пить — занятие не женское.

У баб на то причина есть,
Особая, всемерно веская —
По радио примчалась весть,
И озарилась доля женская.

Вся вдруг до донышка видна
С поры далекой, незапамятной,
На целый белый свет одна,
Горя своим горячим пламенем.

Три полбутылки на столе
Фруктовой, ягодной и выгодной.
Пьют бабы у себя в селе,
Румяные от водки выпитой.

Их не зовут домой мужья:
«Валюша, Валя, Валентина!»
Судьба — не песня соловья,
Не все вернулись из Берлина.

Пахали бабы, жали хлеб,
Леса рубили, сенокосили,
Век прожили в своем селе,
И слухом не слыхав о космосе.

А над землей уж третий час,
Быстрее, чем шар земной наш кружится,
Вокруг него в который раз
Летит сестренка, дочь, подруженька!

Над щами, стиркой и страдой,
Над песнями, от слез солеными,
Летит над старыми законами,
Муж по которым — бог земной.

Гремит над всей землей эфир,
И марши, марши в честь них, марши,
В честь них, потрясших целый мир,
Обыкновенных женщин наших.

А здесь, в деревне, стол накрыт,
Пластинка кружится любимая.
И день, как колокол, гудит
Над придорожными рябинами.

1965—1971

* * *

Старый снимок
Нашел я случайно в столе
Среди справок,
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле!

Шлем ребристый кирзовый,
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки, что солнца пыльца.

Не целован еще
И не разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок,
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня.
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня.

Время крепости рушит,
А годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад!

* * *

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей?
Как жгут мосты саперы,
Настилы руша с высоты
И за рекой оставив город.
Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпили колоколен,
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад.
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.
Ты в жизни жег хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет —
Мосты саперы возведут
И город вновь в их лица глянет.

А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

* * *

Я снова вспомнил почему-то
Далекий госпиталь в войну,
Где я лежал немало суток,
И санитарку в нем одну.

Тупой бессонницей измаян,
Я морфий у нее просил,
Кричал, что доза небольшая,
Ругался матом и грозил.

Но, знать, меня жалея очень,
Девчонка прикрывала свет
И на мои угрозы ночью
В ответ твердила только — нет.

Я позабыл, какие песни
Она мне пела у виска,
И как мои писала письма —
Не вспомнить мне наверняка.

Но помню, как с неженской силой,
От оскорблений всех бледна,
«Нет, морфия не дам», — твердила,
И помню также, как она

На перевязку вывозила,
Катала бинт, как снежный ком,

И вдруг его срывала с силой,
Безжалостно, одним рывком.

Она жалела, уважала
Меня, солдата, мужика,
И потому бинты срывала
Не дрогнув женская рука.

А ты все медлишь...

* * *

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щеки...
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с опоки.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной.
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день, и в выходной.

Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье.

Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной,
Начиная мира сотворенье.

Шел бетон, вставляли корпуса,
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.

Это было все-таки со мной.
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой.

Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки...
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.

В БРЕСТЕ

Здесь первый шаг свой сделала война
В июне, в сорок первом, на рассвете.
Здесь нынче соловьи, и тишина
Струится в заводи с зеленых ветел.
Бетона глыбы разметал тротил,
Черны провалы старых казематов,
И прячутся ромашки меж могил
На кладбище, где спят одни солдаты.
Не все еще известны имена
Тех, кто стоял здесь насмерть в сорок первом,
Тех, кто отдал ей честь свою и верность,
Когда еще спала вдали страна.
Но в небесах синюют здесь глаза
Солдат, взглянувших первыми на пламя.

Стирается во времени гроза
Квадратных крыльев с черными крестами.
Уходит взрывов дальняя волна
В историю на тихие страницы...
И над землей встают их имена —
Русоволосых, юных, круглолицых.
Не бронзою звенящею строкой
Встают они над крепостью старинной —
Раскатом соловьиным над рекой
И поездом, идущим до Берлина.
Не требуя ни славы, ни наград,
Все, что могли, свершили здесь солдаты.
Год сорок первый только ими свят,
Без них бы не настал и сорок пятый.
Я в Брест вхожу, как в сорок первый год.
Гремят о землю тяжкие удары,
И принимает комендантский взвод
На грудь свою железный натиск армий.
Он не был вероломством потрясен
И паникой внезапности охвачен,
Бесстрашно ждал минуты этой он,—
Как мог бы здесь он устоять иначе?
Без гимнастеров, с коек на траву,
Расставив прочно сошки пулеметов,
Залег он здесь, у крепости во рву,
Как на Берлин идущая пехота.
Год сорок первый, сорок смертный год,
Но в нем встает, здесь присягнув державе,
Не отступавший комендантский взвод
В крови, железе и бессмертной славе.
Встает он в соловьиной стороне,
В росе и травах молодых по пояс,
И слушает, как мчится в тишине
«Москва—Берлин», зеленый скорый поезд.

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз,
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: «Напиши про нас!
Про то, как писем ждем,
Про то, как у сержанта
Жена в тылу с другим, не прячься, не таясь...
Про то, как мы тоскуем.
Ты таланта
Не пожалей
И напиши про нас».
А я стихи писал, когда все спали.
Все про себя писал. Как тосковал я сам,
Как писем ждал,
Хотел, чтоб вспоминали,
Не забывали... Я отказывал друзьям.
Я говорил им, сонным и усталым:
«Отстаньте, я пишу письмо домой...»
Домой! И лица им улыбка озаряла:
«Прости, пожалуйста, само собой...»
Они валились в сны свои на нары,
Копилка замирала в тишине.
И я писал, за то им благодарный,
Что не мешали мне.
А ночь в громах ворочалась снаружи,
Стучала пулеметною строкой.
Я юным был, и было мне не нужно
Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

* * *

Через двадцать лет по всей державе
Снова песни старые поют,
В маршах, в залпах, в музыке и славе
К нам воспоминания идут.
...Не было ни маршей, ни речей,
Ни знамен, ни воинских парадов.
Был он — ослепивший свет очей —
День, в который ничего не надо.
Солнце было, были небеса,
Каторжная кончилась работа,
Та, что длилась будто без конца
И без роздыха четыре года.
И никто не вспоминал о ней,
Все мечтали только о грядущем —
В солнце ясном, в дождике идущем,
В рощах, в тишине, в игре теней.
Били в небо, гнали лошадей,
Плакали, на месте застывая...
Кончилась вторая мировая,
И никто не вспоминал о ней.

* * *

Ракетами, как луг ракетами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные,
«Земля — зенит», «земля — земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли,
Луга, леса, поля зеленые,
И глуби вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

* * *

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы,
Верил только в загады
И не верил в приметы.

Я пришел в сорок пятом,
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

Думал, глянув на лето:
Жизнь еще впереди.

Все, что кончилось, это —
Уходя — уходи...

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы.
Пожилым, бородатым
Вспомнил дальнее лето.

Сосчитал и закаты,
Сосчитал и рассветы —
Позабыл про загады
И поверил в приметы.

Глянул в дальнее лето —
Защемило в груди...
Все, что кончилось, где ты?
Жизнь, стой, погоди!..

* * *

Не на западе — на востоке
(Запад стар и все знает сам)
Вновь по свету ходят пророки,
Свет внимает их голосам.
Ах, пророки годов высоких!
От костров гражданской войны
Ваших гневных воззваний строки
Алой кровью обагрены.
Убивали вас ночью белой
В темноте кулацкой рукой,
А гармоника где-то пела
Ваши песенки за рекой.
Поднимались вы из окопов,
Чтоб под пулей немецкой лечь,

Но не может забыть Европа
Ваших гимнов походных речь.
Вновь выстраиваются в строки
Вера, Правда, Верность, Любовь,—
Поднимают слова пророки
И несут их на люди вновь.
Не в библейских белых хитонах —
В гимнастерках и в пиджаках,
Непременные микрофоны,
Словно посохи, в кулаках.
И, совсем как во время оно,
Как две тысячи лет назад,
Словно трубы Иерихона,
Репродукторы их гремят.

* * *

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет,
В Совет Народных Комиссаров —
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чтущий власть,
А как на первое свиданье
Хотел бы я туда попасть.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я, незрим для глаз,

Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто пишут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные наркомы —
Сыны завода и села,—
В лицо потомкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу
И, не желая временить,
Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Совнарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь...
Но я хотел бы там любовью,
Теплом и верой запастись.

* * *

У леса голубого на опушке,
Где улица пустынна и грустна,
В поселке дачном, в маленькой избушке,
Была ты не хозяйка, не жена.

Когда отцы, достав кисеты,
Еще от боя горячи,
Среди картин, зеркал, паркета
Уже подумали в ночи,
Какую жизнь на белом свете
Они построят навсегда,
И позавидовали детям,
Взглянув в грядущие года...
Мы мерзли в топах подо Мгою,
Мы в сорок пятом, взяв Берлин,
Огни салюта над Москвою
До звездных подняли вершин,
На реках возвели плотины,
Мы встали, в космос путь торя,
Но с каждой новой годовщиной
В великий праздник Октября
Мы не скрываем восхищенья,
Завидуя отцам своим,
Их подвигу и их прозреньям
В ту ночь под небом грозovým.

* * *

Вот сесть за стол в притихшей комнате,
Забуть бумагу и чернила
И вспомнить разом все огромное,
Что на земле с тобою было.
Без позы, без того проклятого
Ответственного чувства «надо»,
Прорвав упрямо напечатанную
Глухую мертвую блокаду.
Чтоб встали рядом дни железные
В крови, как в ржавчине, в печали,
В знаменах, вздернутых в подзвездные,
Землей незнанные дали...

Да я бы мог про слезы женские,
Про очереди в магазинах,
Про наши траты деревенские,
Пустынные в огнях рябины,
Я мог бы сыпать соль на жгучие
Незарубцованные раны,
Но ради подвига великого
Я делать этого не стану.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных поездах
Они опять всюду поются,
Как мы их пели на фронтах.
Есть на веревочке гитара,
Своя компания вокруг,
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.
Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы.
Поют опять не «трали-вали»,
А то, что деды и отцы,
Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.
Летит вагон заре вдогонку.
Ах, как натянута струна!
И мы стоим, грустя, в сторонке,
И Родина на всех одна.

* * *

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще!
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем залется в пенье.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью, и железом пахнут травы...

* * *

Хотел бы прямо, без обвиняков,
А как сказать, чтоб ты в меня поверил?
Я роюсь в груди обветшалых слов
И целой жизнью меряю потерю.
С углями перемешано, с золой,
Оно, как несгоревшая железка,
Омыто кровью, потом и землей,
От ржавчины очишено до блеска.

Я жил и мыслил, подтвердит оно,
Скрепляя расступившиеся звенья
Годов нелегких, минувших давно,
И новых дней упрямое рожденье.
А ты однажды распахнешь окно —
Ворвется ветер с дымом и озоном,
И ты со мною будешь заодно
Дышать им так же, как во время оно
И я дышал.
Шли грозы по реке,
От жажды выгорали побережья,
И чье-то сердце падало в тоске
И подымалось все-таки в надежде...

БАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Веря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью.
Белой походной пылью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта,
Арки мостов чугунных.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
Пламя над всем Дунаем,
А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стираной гимнастерке,
Один, даже без нагана.
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю,
Пляшут мальчишки в Буде,
И он им мир предлагает.
Мир секретарше мэра
В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оградам.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя...
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный,
С верой в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

* * *

В заздравной дате государства,
Отмеченной календарем,
Еще дымится снег январский,
Кинжальным вспоротый огнем.
Еще цветет над Ленинградом
Салют, качается в глазах,

Во имя снятия блокады,
На улицах и площадях.
Не все, что было, бронзой стало
И медью литер прописных,
Хотя уже, как зубров, мало
Участников боев живых
И тех блокадников, которым
За девятьсот ночей и дней
С тех пор обязан жизнью город
И ратной славой своей.
Все то, что было,— с ними рядом:
Им кажется, еще вчера
На Невском падали снаряды,
Звенели в небе «мессера»,
В снегу по пояс шла пехота,
Жизнь хлебным мерилась пайком,—
Но им не то что нет охоты
Сегодня вспоминать о том,
А нечего добавить словом
К молчанью павших дорогих,
Где снег, не ведая о славе,
Летит из года в год на них.
В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискаревских плит...

* * *

Костры горели на снегу,
Мы их сооружали быстро —
Ведро газойля из канистры,
И, как деревья, шли танкисты
Погреться, покурить в кругу.

Друг друга подперев плечами,
Никто не заводил бесед,—
У каждого свое молчанье,
Свои слова, свой в лицах свет.

Костры горели на снегу...
Настало время мне признаться:
Не мужество, не долг солдатский
С тех пор забыть я не могу —
На черном фронтовом снегу
Круг человеческого братства.

* * *

Я был солдатом в мае, в сорок пятом,
Тогда, как гром, настала тишина,
И мир пришел желанный, мне в награду
Окончилась проклятая война.
В последний раз взревели батареи
Уже о мире, а не о войне,
Я был в тот день на Волге и на Шпрее,
На Висле, на Дунае, на Шексне.
Земля землей и небо небом стали.
Хотя я не был богом никогда,
Я знал, что сотворил их в изначальном
В том смысле, словно бог, и навсегда.
Я вдруг услышал: медом пахнет воздух,
И листья трав трепещут на ветру,
А по моим щекам струились слезы
В тот день девятый мая, поутру.
Светило в небе, надо мной вставало
Мое светило в небесах моих,
Все было в мире. Только не хватало
Однополчан, которых нет в живых.

Ничему не научился,
А прошел войну, года —
Белый свет когда мутился,
Словно в трещинах слюда.

Дальше были повороты,
Открывался день, как век.
Говорят, что для полета
Создан небом человек.

У друзей менялись лица,
Ходуном ходила спесь,—
Мог бы и перемениться,
Но иду такой, как есть.

Ни о чем не сожалею,
А ведь мог бы сожалеть,
Стать умнее, жестче, злее,
Высоко наверх взлететь.

А куда лететь, куда там?!
Мир — не сказку о добре
Подарили мне, солдату,
В сорок первом, на заре.

Мир — такой, могло какого
Очень запросто не быть.
За него сгорел под Псковом
Полк, меня учивший жить.

* * *

Все чаще с грустной завистью, все чаще
Я вспоминаю дальние года,
И о себе самом, как о пропащем,
Я думать начинаю иногда.

От запада до желтого востока
Пути мои легли по облакам,
Встречал я именитых и высоких
И на трибунах возвышался сам.

Фамилия моя нет-нет да где-то
Мелькнет в газетах. И печалюсь я,
Что мало денег для семьи на лето,
Что дача далеко и не своя.

Что вот идут события мировые
Не так, как надо. Что тревожен свет,
Что я в докладе числюсь «и другие»,
Что слишком зол завистливый сосед.

А в тех годах, в тех даях,
о которых давно молчу,

Там все наоборот.
О бабах на привале разговоры,
И за Россию в бой уходит взвод.

Там все дороги, как ветра, свирепы,
Богатство — пара сменного белья,
Осьмушка табаку да пайка хлеба.
А что еще? А там еще друзья.

* * *

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката,
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем,
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

* * *

Всю ночь за лесом где-то шла гроза,
И мне казалось, что на белом свете
Я молод вновь, как высказать нельзя,
И сплю на фронте в эшелоне третьем.
Возле дороги в травах и лозе,
Раскинув руки, ниц упав неловко,
Я сплю один, похоронив друзей.
Полк отвели на переформировку.
Горят на горизонте города,
Кричат дороги, пыль белей известки,

А мне не будет в жизни никогда
Спокойней, чем на этом перекрестке.
Как будто в древней песне — позади
Уже Россия за холмами где-то.
И на плече моем, присев, сидит,
Как на холме, птенец, теплом согретый.
Меня не будит ни орудий рев,
Ни марш пехоты, проходившей мимо.
Высокий день встает из-за холмов,
И солнце раздвигает клубы дыма
Из-за холмов, из-за моей спины,
Покрытой солью белой гимнастерки.
Кончается четвертый год войны,
И где-то дребезжат окошка створки.
А это все за лесом шла гроза,
Гром полыхал, и падали зарницы.
Слезами застилали мне глаза
Друзей погибших молодые лица,
Была душа тревогою полна,
Забывшие сильнее болели раны,
И вспыхивала белая стена,
Печатавшая перекрестье рамы.
На горизонте вновь стоял пожар,
Крича летели вспугнутые птицы,
А я один, я без оружия, стар.
И даже пальцем не пошевелиться...

* * *

Мир, что остался позади, пожалуй,
Весь можно обозреть и без труда,
А что там, за последним перевалом,
Что впереди — не скажешь никогда.

Какие там тревоги и затишья,
Бед и радость, други и враги?
Прислушаешься — ничего не слышно.
Вглядишься — тоже не видать ни зги.

Где там твоя последняя отметка?..
И может, хорошо, что это так:
Идешь туда один. И не в разведку,
А навсегда. И твой он, каждый шаг.

* * *

Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья,
Свои у всех на будущее планы.
Но черный хлеб ее у всех один —
Насущный хлеб, что Правдою зовется,
Не все им сыты. Только все едим,
Его хватает нам и остается.

* * *

Красное в разгаре лето,
В знойной тишине
Дятла дробь в бору прогремом,
В небе на сосне.

Загадай свое желанье,
Веря или нет,
И кукушки предсказанье
Прозвучит в ответ.

Прозвучит и канет в синий,
Голубой простор
В глубине твоей России,
Юной до сих пор.

* * *

Какое лето шло по всей стране,
Все в ливнях зноя, тишины и света,
Когда война, готовая к войне,
Ждала сигнала.
Ах, какое лето!
Хлеба стояли на полях стеной,
Шли к морю поезда с отпускниками,
За город собирались в выходной
Компаниями, школами, цехами.
А в Греции и в Африке бои,
А в Бресте у старинных казематов
Грохочут на закате соловьи
И спать ложатся с песнями солдаты.
Нам с той поры не позабыть вовек
Той тишины, спустившейся на травы,
На рощи и на русла синих рек,
На города и веси всей державы.
.
Не шутки шутим, на земле живем,
Ее железом били, кровью мыли.
И даже в день, когда замолкнул гром,
Мы этой тишины не позабыли.
Мы не забыли сорок первый год.
Да, мы солдаты, с той поры солдаты.
...Какое лето по земле идет,
В хлебах и травах, пахнущее мятой...

* * *

Были годы юны, были рыжи,
Бегали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.
Ликовал над горсткою махорки,
Над краюшкой хлеба и костром.
Были годы трудны, люты, горьки,
Порохом продуты и огнем.
Стал я стар и, как мальчишка, ясен
И доверчив. Видно, те года
Одарили верой, и не к счастью,
И уже, как видно, навсегда.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит, скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.
Сшибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса,
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.
А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.
Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.

Кузнечики чеканят росы,
Петух пропел и смолк в селе...
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

* * *

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века,—
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?
Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...
Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.
Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.
Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой.
Лепи горшки.

Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.
Бессмертна я...»

Я подчинился ей,
Она — душа.

Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

Ю. Быкову

Это было как-то в октябре.
На аэродром, где дождь и мгла,
Мы пришли на утренней заре,
Бросив все насущные дела.
Грохот государственных минут.
С неба резко сыплется эскорт.
Трап, как трон серебряный, везут,
Замер на земле аэропорт.
Пробегают холодок в душе
С бурей и восторгом пополам.
Как мальчишки, смотрят атташе
Суверенных стран, неблизких нам.
По дороге красной, по ковру,
Трое русских юношей идут,
В блеске заливающихся труб,
Под веселый пушечный салют.
Вспышки блицев с четырех сторон,
Строй министров. Флаги. Караул,
С тишиной и громом сопряжен,
Синие штыки в зенит плеснул.
Трое русских юношей идут
Беспечально к славе мировой.
Словно по дороге полевой,
Где хлеба да васильки цветут.
...В гуле, в тишине пройдут века.

В них пламя Смоленска
и Бреста
И Мая лазурный салют.
Чужие края и столицы —
Как будто в рассказанном сне.
А больше все рожь да пшеница
Встают и струятся в огне.
А больше дожди да метели,
Дороги с темна до темна,
Да тени в избе-колыбели,
Да пот — тяжелее зерна.
Где пламя, где жизнь —
не отринешь.

Над тихой излучкой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.
Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звенит колокольцами стадо
И мчится куда-то река...

* * *

Что было, то было. И все же
Забылось.
Быльем поросло.
Быльем, ни на что не похожим,
Ко мне обернувшимся зло.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты,
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только неожиданно зальется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому в минах болотцу
В глухом сорок третьем году.

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Еще в городах миллионных
Дома не проснулись пока,
И только одни батальоны
Выходят под знамя полка.
Дымки над Россией косые
Уже завились без числа —
В деревнях и селах России
Ждут праздник еще досветла.
Березовым жаром до края
Наполнены печи подряд.
Хозяйки, как будто играя,
Ухватами тихо гремят.
Их лица огни озаряют.
На лавках широких в квашнях
Негромкое тесто вздыхает,
И бражка бушует впотьмах.
Мужчины еще не проснулись,
Ребята бормочут во сне,
И звонко над реками улиц
Орут петухи в тишине.
За выгоном прибрано поле,
В дворах погуляла метла,

Отпарены в банях мозоли,
Намыты полы добела.
Ждут праздник светло и отрадно,
И в окнах горят горячей
Знамена рябин в палисадах
Широким огнем кумачей.

* * *

Живым поверка. Павшим слава.
Салютов гром и тишина.
Победу празднует держава,
Надев цветы и ордена.

От маршала и до солдата
Перед Победой все равны,
Как были ей равны когда-то
В день окончания войны.

На площадях и на полянах —
Повсюду царствует она:
В дворцах бетонных и стеклянных,
В избе всего на три окна.

И только мальчики с портретов,
Как много лет тому назад,
Не увидавшие Победы,
Со снимков в траурных багетах
На матерей одни глядят.

Такой уж день, дела такие —
Со счастьем боль невпроворот.
Творец истории России —
Победу празднует народ.

ТВОЯ СУДЬБА

Какие будут времена?
Пройдут и канут наши годы,
Но ты останешься, страна,
Как откровение народа.
Какие там взойдут хлеба?
Какие выстроят строения?
Но будет в них твоя судьба
Судом всего и озареньем.
Какою меркою еще
Придут события и числа?
Но солнце над твоим плечом
Пребудет золотым и чистым.
Да, было так, что клином свет,
А как там быть могло иначе?
Не перестать дорог и лет,

Ни слова не переиначить.
Но есть один завет, зарок,
Закон — как их ни обозначьте:
Смотреть вперед и думать впрок
О будущем, а не иначе.
И опыт нажитый беречь
Весь до былинки, до крупницы...
Все чутче вслушиваюсь в речь,
Все четче вглядываюсь в лица.

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вы верите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там нынче валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем канешь в нем наверняка.

По горизонту, весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые на взлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Я слышал, в далях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?»—
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос плыл по глади водной,
Звучал вблизи, уже во мне почти:
«Да что ты, это переходов,
Считай, не больше двадцати пяти».

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
Я их не звал, а я их просто знал,

И я был юн, и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудериана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода,
«Да где же это поле Куликово?»—
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь назад, над озером горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье наше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копились в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
Плеснет через разлуки и года:
«Да где же это поле Куликово?»—
Там, где сошлись и небо и вода.

* * *

Нас нет на свете. Мы трава и лес,
Свист пеночки и звон лозы в кювете,
Волны речной мгновенный, вольный плеск
И бьющий в лица на дорогах ветер.
Нас вырубал металл, огонь пожег.
Четыре года, вечности четыре
В пыль разносил грохочущий тротил,
И нас давно уж нет в подлунном мире.
За нас живут и любят, все за нас
Внимают слову, произносят речи
И ловят дождь в ладони в ранний час,
И женщин будят молча на рассвете...

* * *

Идея, Правда, Мысль или Мечта.
Кто знает, как еще она зовется.
Вокруг привычной жизни суета,
Но вдруг она сама тебя коснется.
Соседи спорят, радио кричит,
Она пришла — и разом все забыто.
Покоя нету от нее в ночи,
И нет пути среди дорог избитых.
Тревогой грозной и тоской томим,
О ней поведал вестник бородатый
Взыскующим товарищам своим
И захлебнулся донником и мятой.
В каком году, в какой земле, когда?
Кто был он, тот пастух, солдат, философ?
Мелели реки, гибли города,
И шли стада по желтому откосу.
А с ней потом, как с песней, на костер
Всходили люди и в огне молчали.
И языками пламени костел
Пылал над ними в каменной печали.
А может быть, звенел кувшин вина,
Смеялись синеглазые красотки,
И музыкой, неожиданна и хмельна,
Она пришла случайно, как находка.

О ней писали золотым пером,
О ней молчали, отыскав в анналах,
И злобно вырубали топором,
И на заре о ней труба кричала.
Как юн и крепок этот вечный хмель —
Он сушит в жилах кровь, как будто ветер.
С ним нелегко. С ним даже дальше цель.
Но без него и счастья нет на свете.

* * *

Немало я по свету странствовал,
Я видел Запад и Восток.
На Западе бушуют дансинги.
Восток в колоннах сбился с ног,
Он на ходу колонны сдваивает,
Он строит домны и полки
И ходит на плацу в штыки.
Восток надеется на чудо —
Забыто Западом оно.
А небеса сини повсюду,
И солнце светит в них одно.
Нет Запада и нет Востока,
Есть хлеба кус и крови вкус,
Есть горя круг и круг восторга,
Забот нерасторжимых груз.

* * *

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики,
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но над землей релейными метелями
Сквозь гром и лязг, наперекор судьбе
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог,
Бесхитростная, тихая, недлинная,
Коротенькая — на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

За далями, морями, океанами,
У атомных орудий и ракет
Плывет над континентами и странами
Наперекор всему, всему в ответ.

* * *

Есть у сосен зеленых
На безветрье с утра
Неподвижность бизонов
Или всплески костра.
Или молний зеленых,
Вдруг застывших в тиши,
Есть надежность, бездонность,
Пища есть для души.

Неподвижности этой,
Обступившей вокруг,
Как явление ракеты,
Обгоняющей звук,
Длится, и непонятно,
Сколько будет огня,
Светом золотит пятна,
Тишь вокруг, как стена.
Не шелохнутся иглы,
И застыла трава,
Будто светом воздвигли
Тишины острова...

* * *

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил — недаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.
Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки,
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.
Не будет прозрачного утра в печали
И в радости или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.
Под облаком птица летит в беспредельность,
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.
Мне грустно, но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен,

и нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.
Метет он незримый, но видимый взору,
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы —
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

* * *

И черная случается весна:
Ни в небе нет, ни на земле нет света,
Черна земля, и туч гряда темна,
Черны деревьев голые скелеты.
На реках синий грязноватый лед,
Туман просторы мглистые заносит,
И дождик серый целый день сечет,
Как будто это не весна, а осень.
Но снег в полях быстрее день ото дня
Пора такая запросто съедает.
Земля в грязи и жиже, как квашня,—
Вздымается, восходит, набухает,
В лесу, в оврагах, в поле, на земле —
Повсюду что-то новое, творится,
Как только солнце выглянет во мгле,—
Весь мир мгновенно с ним преобразится.
И никаких на нем следов зимы:
Он весь прозрачен, голубой и рыжий,
Вот солнце в луже, в золоте холмы,
И с черных пашен свет до неба брызжет

В ЭТОТ ДЕНЬ

С того рассвета в глубине России,
Где женщины одни и тишина,
Когда бежали, в окна голосили,
Стучали в двери: «Кончилась война!»
Вставало солнце под Берлином где-то,
Солдаты обнимались все в слезах,
Стреляли в небо, салютуя свету,
Деревьям, травам и лугам в цветах.
Не вспоминаю, а запоминаю.
Глаза на миг не отводя, гляжу,
Какой он, этот день девятый мая,
Я до конца о нем не расскажу.
Как города принарядились к маю,
Которые мы брали на войне,
На Висле и на голубом Дунае,
Сверкают этажами в вышине.
В Софии, в Праге или в Будапеште
На улицах знамена и сирень,
А если даже и не в мае вешнем,
Он все равно там длится, этот день.
Он всюду на путях земного круга,
Не перечислить всех его примет.
Он женщины улыбка, руки друга,
Рождение ребенка, смена лет.
Попробуй рассказать о нем словами,
Глазами увидеть его зенит —
Он колосится рожью, льет дождями,
Метет метелью, радугой звенит!

* * *

Когда это будет, не знаю,
В краю белых берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны.
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было девятого мая
С утра в сорок пятом году.

* * *

Враг не может предать, как друг,
Видно, в гору пошла дорога,
Коль сужается дружбы круг,
А врагов остается много.
На вершинах я не бывал,
Мне они и сейчас не снятся,
Но встает впереди перевал,
Значит, надо мне подниматься,
По камням идти вперед,
Не искать дороги окольной,

Не вести пораженьям счет,
Не прислушиваться к болям.
Там, где ступит на снег нога,
Реже воздух и чище дали,
Нет ни друга там, ни врага,
Только ветер на перевале.
Только ветер да высота,
На которой ни разу не был,
Да, наверное, маста,
Что оттуда все дальше небо.

* * *

Я требую немногого,
Немногого хочу —
Планету за порогом,
Всю в солнце, как бахчу, —
В июле с тишиною,
Всю белую зимою,
Всю черную весною;
Да, может быть, травинку
С росинкой в желобке,
Травинку с паутинкой
Одну на сквозняке, —
Когда мой сын нестарый,
Да и немолодой,
Со мной прощаться станет,
Обросший бородой.

* * *

Теряю вкус к подробностям хмельным
Воды и суши
И вглядываюсь пристальнее в дым,
В людские души.

Прекрасные мгновения ловлю —
И удивляюсь,
Все больше, больше этот мир люблю —
И в том не каюсь.

* * *

День падает, и, словно колокольцы,
Звонят капли, осыпаясь с крыш,
День падает куда-то за околицу,
В вечернюю пустеющую тишь.
Сейчас его пылающая кромка
Сверкнет огнем и скроется из глаз.
Встают стеною черною потемки
На синий и заледеневший наст.
Еще живут дневные звуки в воздухе,
Но и они уймутся, день погас,
День золотой, и голубой, и розовый,
Весенним светом озаривший нас.

* * *

Как будто древних царств реликт,
В час эры атомной, машинной
Я услышал победный крик
Перед рассветом петушиный.

Еще не колыхнула тишь
Иглой сосновой и травинкой,
Росинки с невысоких крыш
Не обронила на малинник.
Весь мир еще и мглист и сед,
И сумрак все глубок и прочен,
А он уже поет рассвет,
Не просто смену дня и ночи.
Ах, сколько связано в былом
Надежд и веры с этим кличем.
Крик петуха, и над селом
Он был не просто пеньем птичьим.
Один. Вослед другой за ним.
Светает. Ночь переломилась.
Еще восток неразличим,
Но что-то в небесах свершилось.
Я в них внимательно смотрю
И слушаю до удивленья
Предвосхищающих зарю
Давно не слышанное пенье.
После всегдашней чепухи
И сутолоки дня базарной
Поют неожиданно петухи
Светающе и светозарно.

* * *

Синь все небо уносит,
Солнце волны листает,
А у вас, видно, осень
В эти дни золотая.
Лист ложится багряный
На зеркальные лужи,
Набегают туманы,
Тучи ходят натужно,

Поспевают рябины,
Кисти как семафоры
Над асфальтом пустынным,
Убегающим в город...

Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светят. И по ней
Я все плыву в веселье и печали,
Как в дни далекой юности моей,
Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама:
В воде высокой тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.
Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет,
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.
Там все не так и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.
И все плывет вода и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль. Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.
Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда
Среди равнины, словно у черты,
Где может все неожиданно оборваться
От шороха, как будто от беды,
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

НА РЫБАЛКЕ

И хотя на самом деле
Нет давным-давно калик,
Да и был он — на неделю
В лес сбежавший отпускник.
Появился он лохматый,
Словно некий дух лесной,
В бороде его лопатой
Льдинки стали сединой,
Горсть комариков поющих,
Дым вчерашнего костра.
Появился леший суший,
Но желающий добра.
Любопытства полон к людям,
Сел поближе на пенек.
Никаких при нем орудий,
Только тощий рюкзачок.
Кто такой, мы не спросили,
Пил из кружки чай пустой
И глядел такую синью
Непроглядную, густой,
Что придвинулся, похоже,
Век былинный, древний век,
Где каликой переходим
Был он, этот человек.

НА ШЕКСНЕ

Ю. Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором, уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой.
И, словно бы гигантская дуга,
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края света нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе, след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небо росчерк беззаботный.

* * *

Стал я стар не душой, не телом,
Но неведом покой душе,—
Дела главного я не сделал,
А пора уходить уже.

Остаются леса и доли,
Солнце в небе и города.
Светло-светлый мир и веселый,
Что вошел в меня навсегда.

* * *

Май приносит дым воспоминаний,
Вновь над миром светится звезда,
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Дует ветер — молодой, весенний.
Гимнастерка на плечах дыма.
Молодость. Ни страха, ни сомнений,
Может, завтра кончится война.

И сиренью на шоссе — девчонка,
Юная, как младшая сестра,
Плачет и смеется у трехтонки,
Все — как будто было бы вчера

Прошрое мешая с настоящим,
Ты глядишь, как в зеркало, в года,
Да бывал ли ты когда-то счастлив —
Так, как был счастливым ты тогда?..

* * *

Юлии Друкиной

Где вязы кронами сплелись,
В ущелье нелюдимом
Поставлен камень-обелиск
В лесу под Старым Крымом.

Был партизанский лазарет
Здесь две зимы, два лета.
Но никого на свете нет
В живых из лазарета...

Разведка шла через леса
Уверенно и споро.
По затесям, как по часам,
Пересекая гору.

Молчала спящая гора,
Под ней вода журчала.
Там медицинская сестра
В ручье бинты стирала.

В землянках маялись в бреду
От голода и муки...
Могли ли отвести беду
Девические руки?

Фельдфебель был из здешних мест...
Выслуживал, старался...
Он к ней один, наперерез,
Без «шмайсера» поднялся.

Был партизанский лазарет
Весь вырезан к рассвету,
И двадцать лет, и тридцать лет
Молчат леса про это.

И на могилах ни креста,
Ни имени, ни даты...
На всех державная плита,
Одна на век двадцатый.

Одна прощальная слеза
Из камня, из гранита,
Да только неба бирюза,
Да мир, ветрам открытый.

* * *

Ах эти притчи во языцех!
Гудит от них двадцатый век:
Быть, зацепиться, утвердиться
И переплюнуть имярек.

И все же, как это ни странно,
Мир замедляет бурный бег,
Уходят гномы и титаны,
Стихают волны, сыплет снег.

Тысячелетие второе
Кончается, а что за ним?
Какие там грядут герои?..
Не ведаем, что сотворим.

И все же снег летит, ложится...
Забвенье, милость, смена лет...
Ах эти притчи во языцех
И белый, снова белый свет...

* * *

Я-то знаю наверно,
Эта ночь непроста.
Снова, как в сорок первым,
Вдруг страшна высота.
Небо синее в небе,
Звезд движенье в ночи,
Все как будто бы небыль,
Только ты помолчи.
Помолчи и запомни.
Этот год горевой,

Этот свод, что заполнен
Глубиной, синевой.
И забудь, как забыто
Все, что было мельком,
И крест-накрест забито,
Как окно под коньком.
И огнистой березы
Ливень, грянувший ввысь,
И неожиданные слезы,
Что ручьем пролились.
Где-то снова, как в поле,
Кони, травы, костры.
По какой доброй воле,
До какой там поры,
Никому не известной,
Никакой, никакой,
Сказкой, старую песней,
Непонятной строкой...

* * *

День начат с молока и хлеба,
С даров взыскующих полей,
В нем трубный глас, летящий с неба,
Громоподобных кораблей.

Они, как ангельские стрелы,
На миг возникли и прошли,
Маня в нездешние пределы
Просторов неба и земли.

А под окном горит рябина,
Березы жаром залиты,
И веет тишиной пустынной
От подступившей высоты.

Такой, что, может, и не нужно
Тех сиринов над головой,
Есть хлеб и кружка с белой дужкой
И соль в солонке голубой.

БЕЛОЕ ОЗЕРО

Будет печалить и радовать
В мире оно и без нас
Белой неожиданною радугой,
Искрясь, как мартовский наст.

Там, где кончаются озими
В дальней дали и леса,
Синее, белое озеро
Встало стеной в небеса.

Белой дугою очерчено,
Солнца касаясь и звезд,
Тихое, будто доверчивость,
Но с перезвонами гроз.

Нимбом, светящимся издали,
Встало над краем навек,
Неотразимо и искренне,
Будто бы взгляд из-под век.

Белое озеро, может быть,
Цвета черемух полно,
Белое озеро — боже мой,
Как это было давно.

СЕВЕР

Может, он счастья спокойнее,
Правды, быть может, добрей,
Над тишиною и войнами
Светит копорский кипрей.

Ширь, даже грому не тесная,
Эху стократ рокотать.
И высота поднебесная —
Птице крылом не достать.

И чтобы не убаюкала,
Чтобы прожгла глубина —
Синяя капелька купола
На горизонте видна.

Радостей светлых и горестей,
Дней и ночей берега —
Севера древние прориси —
Озеро, лес и луга.

Пал туман на море синее,
Горы скрыл и море скрыл,
Смыл сверкающие линии,
Растворил бесследно Крым.
И сижу и жду в тумане я,
Словно бог во мгле веков,
Что возникнут очертания
Гор, деревьев и цветов.
Я им дам сперва названия,
Перепробовав на звук

Мне известные заранее
Карадаг, Каясюрюк.
Отделю от моря сушу я,
На ладонь туман солью,
Разгляжу я и послушаю
Даг-кара, Сюрюк-каю.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Грохочут в небе дни, как поезда,
Все в молниях, ветрах и ливнях плотных,
Уходит лето через города,
Как праздники, легко и беззаботно.
Не надо ждать неожиданных перемен
И радостей каких-то неизвестных,
Уходит лето в травах до колен,
В хлебах по пояс, плечи в перелесках.
Уходит лето, не остановить,
Не сесть за стол — давай раскинем бражна
И будем петь и будем вина пить,
Как будто в мае... Ну и пусть, не страшно,
Еще ветра, пожалуй, по пути,
Еще как будто не остыли воды
Реки, что в синем золоте летит
И белые качает пароходы...
Но дни летят — не оглянуться вслед
Теперь уже ни при какой погоде.
Не чередает неторопливых лет,—
Уходит лето. Навсегда уходит...

* * *

Летят на юг под небом птицы,
Как будто их несут ветра.
В осеннем парке дым струится
И пламя плещется костра.

Аллеи тихие пустынно,
Пруды листвою занесены,
Красны высокие рябины,
Поля далекие черны.

Поедем в пригород недалкий
На вернисаж живых картин
Раздумий, грусти и печали
Без объяснения причин.

Автобус станции конечной
Уперся в синий небосклон,
Горят березы, словно свечи,
Там, как на стыке двух времен.

Там в вышине звучит прощанье
Птиц перелетных над землей,
Там горький запах увяданья
Смешался с дымом и золой.

И обнаженные просторы
Пусты, как белые холсты,
И краткий день шемаще дорог,
Как свет, упавший с высоты.

* * *

Все кончится. Уйдут пустые споры
И скорбь за рюмкой водки за миры,
Раздумий пресноводные озера
И женщин полуночные костры.
Останется лишь то, что ты однажды
Уже узнал, вися на волоске:
Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке.

* * *

Вот и век кончается двадцатый,
Электрогитары у бедра
На ремнях, как будто автоматы,
Джинсы, продувные свитера.

Мальчики, юны и бородаты,
Бьют в упор крест-накрест, перекатом,
Мир берут, как будто бы солдаты,
Словно автоматчики с эстрад.

Волосы на небеса раскинув,
Гнутя словно складень перочинный,
Не пригнешься — голову снесет.
Век двадцатый. Нет, не без причины
Песня криком разрывает рот...

* * *

Земля летит, зеленая, навстречу,
Звенит озер метелью голубой.
На ней березы белые, как свечи,
Свист пеночки и цветик полевой.
Я землю эту попирал ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженную рукой.
Прости, земля, что я тебя покину,
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

* * *

Всю ночь ревело в бухте море,
Шли волны, словно поезда,
И, одинокая, в просторе
Мерцала, как маяк, звезда.

А может быть, патрульный катер
Меж волн взлетал и падал вниз —
На вахте в заданном квадрате
Вел поиск, несмотря на риск.

А море в берег било, било,
Как будто колокол во мгле,—
И потому тревожно было
Всю ночь до света на Земле.

И не уснуть под этот грохот,
И бодрствовать невмочь уже...
А может, это ты, эпоха,
Всю ночь звучишь в моей душе?..

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Дудин. На рубеже огня и верности</i>	5
--	---

1941—1948

«А мы такую книгу прочитали...»	7
«Руками, огрубевшими от стали...»	7
«Как на родине? Осень...»	8
Осень	10
«В танке холодно и тесно...»	11
Костер	12
На ночлеге	13
«Погадай мне в этот вечер...»	13
Землянка	14
О счастье	15
Песня о кочегаре	15
«Есть на Шексне далекой...»	16
Это было 19 марта 1943 года	17
«Кузнечики стучат в траве...»	18
«Вокруг весна беспутная летела...»	19
«Когда на фронте наступает ночь...»	19
«Друзей немало хоронили...»	21
Отдых	21
Песенка	22
Пыль	23
«Ночь бела, закат идет в рассвет...»	23
«Тонкая российская береза...»	24
«Он ничьих не называл имен...»	24
Смотровая шель	25
Кукушка	25
Дружба	26
«Песня — что-то вроде костра...»	27
На марше	27
После марша	28

«Тополь встанет молодой...»	29
«Поутру, по огненному знаку...»	29
«Когда под пулями лежишь...»	30
«Учила жизнь сама меня...»	30
«Знаю я: в песчаник иль суглинок...»	31
«Вздохнула наконец легко...»	32
Мать	32
Победа	32
«Будут жарко натоплены печи...»	33
Белозерье	34
«На фоне нарисованного сада...»	35
«Ну что судьба, ты на нее не сетуй...»	36
«Что-то в области сердца...»	38
«Слесари, танкисты и поэты...»	39
«Идут солдаты, от сапог...»	40
«Его зарыли в шар земной...»	40
Перед порогом	41
«Пароход покричал, покричал...»	41
Поезд	42
Вино	43
«Вот человек — он искалечен...»	43
«Дымок — дыхание костра...»	44
«Медленно вращается Земля...»	44
В метель	45
После боя	46
«Жить от атаки до атаки...»	46
«Было утро, шумели травами...»	47
«Опять плывет закат над реками...»	47
Паромщик	48
Поле	49
«Где тишина и запустенье...»	50
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	51
«Как стога стоят снега...»	52
Живая вода	53
Дома	54

На привале	55
«Да, не поле перейти...»	55
«Словно башни победы — на рыжих увалах...»	56
«У огня своя архитектура...»	57
Сталинград	57

1949—1964

Звезда	58
Комсомольский билет	59
«Свет звезд идет к Земле годами...»	60
Танки в Сталинграде	62
«Катятся мохнатые шары...»	63
Начальник заставы	64
Застава имени Коробицына	66
«Приснилось мне жаркое лето...»	67
«Коль будет трудно, я приду туда...»	69
«Экскаватор встал с лопатой...»	69
«Говорят, что мы — поколение...»	73
В городском саду	74
9 мая 1945 года	75
В чайной	77
Ракеты	78
«Я не люблю того, кто мир винит...»	79
Перед парадом	80
«Человеку холодно без песни...»	81
Железная дорога	81
Родина	83
Хлеб коммуны	84
«Палочки две и одна закорючина...»	87
В Западной Европе	88
Встреча в Париже	90
В Праге	92
«Над пирогами и борщом...»	93
Шестнадцать лет тому назад	94

«Голос первой любви моей — поздний, напрасный...»	96
Семейный альбом	96
Воспоминание о тыле	98
Памятник	99
У знамени	102
«Он один остался в кабинете...»	103
«Романтики двадцатого столетья...»	104
Вечер стихов в колхозе	105
«Уходит в небо с песней полк...»	106
В госпитале	107
Второй	108
«И Русь не та, и русские не те...»	110
Коммунисты	111
«Ах, песни старые, забытые...»	112
Мирная песенка	113
Ночь	114
Мой лейтенант	115
Сосна	117
«Вчера еще со школьной парты...»	118
«Я давно увидел в первый раз...»	119
Женский праздник	120

1965—1971

«Старый снимок...»	122
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	123
«Я снова вспомнил почему-то...»	124
«Это было все-таки со мной...»	125
В Бресте	126
«Я на войне писал стихи украдкой...»	128
«Через двадцать лет по всей державе...»	129
«Ракетами, как луг ракетами...»	129
«Не считал я закаты...»	130
«Не на западе — на востоке...»	131
«Хотел бы я волшебным даром...»	132

«У леса голубого на опушке...»	133
Октябрьский патруль	134
Костры	136
«Вот сесть за стол в притихшей комнате...»	137
В электричке	138
«Что знаю я о мире и войне?...»	139
«Хотел бы прямо, без обвиняков...»	139
Баллада о парламенте	140
«В заздравной дате государства...»	141
«Костры горели на снегу...»	142
«Я был солдатом в мае, в сорок пятом...»	143
«Ничему не научился...»	144
«Все чаще с грустной завистью, все чаще...»	145
«Конь плакал. Падала звезда...»	146
«Всю ночь за лесом где-то шла гроза...»	146
«Мир, что остался позади, пожалуй...»	147
«Россия есть у каждого своя...»	148
«Красное в разгаре лето...»	148
«Какое лето шло по всей стране...»	149
«Были годы юны, были рыжи...»	150
Последние известия	150
«Всю жизнь куда-то далеко спеша...»	151
Встреча космонавтов	152
«Вечернее мычание коров...»	153
«В моей деревянной России...»	154
«Что было, то было. И все же...»	155
Перед праздником	156
«Живым поверка. Павшим слава...»	157
Твоя судьба	158
На Белом озере	159
«Нас нет на свете. Мы трава и лес...»	161

«Идея, Правда, Мысль или Мечта...»	162
«Немало я по свету странствовал...»	163
«Весь шар земной устал от той политики...»	163
«Есть у сосен зеленых...»	164
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды...»	165
«И черная случается весна...»	166
В этот день	167
«Когда это будет, не знаю...»	168
«Враг не может предать, как друг...»	168
«Я требую немногого...»	169
«Теряю вкус к подробностям хмельным...»	170
«День падает, и, словно колокольцы...»	170
«Как будто древних царств реликт...»	170
«Синь все небо уносит...»	171
«Мне нынче снится край родной ночью...»	172
На рыбалке	173
На Шексне	173
«Стал я стар не душой, не телом...»	174
«Май приносит дым воспоминаний...»	175
«Где вязы кронами сплелись...»	175
«Ах эти притчи во языцех!...»	177
«Я-то знаю наверно...»	177
«День начат с молока и хлеба...»	178
Белое озеро	179
Север	180
«Пал туман на море синее...»	180
Прощание с летом	181
«Летят на юг под небом птицы...»	182
«Все кончится. Уйдут пустые споры...»	183
«Вот и век кончается двадцатый...»	183
«Земля летит, зеленая, навстречу...»	184
«Всю ночь ревело в бухте море...»	184

Сергей Сергеевич Орлов

ЛИРИКА

Редактор **Н. И. Нетесина**
Художественный редактор **Е. Ф. Николаева**
Технический редактор **В. А. Преображенская**
Корректор **Н. Д. Бучарова**

ИБ № 2593

Сдано в наб. 08.10.81. Подп. в печать 28.01.82. А 06027.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,02. Усл.
кр.-отт. 8,19. Уч.-изд. л. 7,56. Тираж 50 000 экз. Заказ 806.
Цена 95 к. Изд. инд. ЛХП —149

Издательство «Советская Россия» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли, 103012, Москва, проезд
Сапунова, 13/15.

Текст набран способом фотонабора и отпечатан с фото-
полимерных форм в Сортавальской книжной типогра-
фии Управления по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли Совета Министров Карельской АССР,
г. Сортавала, ул. Карельская, 42.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу:
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15,
издательство «Советская Россия»

